Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Кирило Петрович Шпак — помещик.

Фенна Степановна — жена его.

Присинька — дочь их

Тимофей Кондратьевич Лопуцьковский — жених ее.

Осип Прокопович Опецковский — приезжий помещик.

Аграфена Семеновна — жена его.

Эвжени — дочь их.

Иван Семенович Скворцов — капитан, квартирующий с командою в деревне Шпака.

Шельменко — денщик его.

Мотря — горничная Фенны Степановны.

Ключница, лакеи, кучера и другие слуги и служанки Шпака.

Гости, мужчины, женщины, дети с кормилицами, няньками и т. под.

Действие в Малороссии, в деревне Шпака.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Простой, без всяких украшений сад: кое-где большие ветвистые деревья; под ними деревянные некрашеные скамейки. Из-за деревьев виден господский дом.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Скворцов (сидит под деревом и читает книгу, потом [говорит]). Посланный мой нейдет... Какое нетерпение!.. (Читает.) Видно по всему, что доступ труден, когда уже и Шельменко не может пробраться. (Читает и потом, бросив книгу, встает.) Как бы огорчился дядя, если бы узнал, что генеральскому племяннику отказали... И где же? в Малороссии!.. Он верить не хочет, чтобы могли быть здесь порядочные люди... Однако ж отказали!.. Увезти бы, и конец делу. Посердятся, да и простят, а я буду с состоянием. Присинька, право, очень мила; имеет странности, но я, женясь, с моими кузинами ее перевоспитаю... Она добра, любит меня, капризов не имеет, и пойдет дело ладно...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Скворцов и Шельменко.

Шельменко (выбегает от дому, торопливо оглядываясь). Тю, тю на твого батька!.. (Увидя Скворцова, становится в позитуру с неловкостью.)

Скворцов. Что, есть ли какой успех?

Шельменко. Лепортую вашому благородію, усьо обстоїть благополучно. Будучи, нєту-тс нікакого успєху.

Скворцов. Как? Стало, ты не исполнил моего приказания?

Шельменко. Я усьо справил, ваше благородіє, теє-то, справно.

Скворцов. И барышню видел?

Шельменко. Нікак нєт, ваше благородіє!

Скворцов. Стало, и письма не отдал?

Шельменко. Нікак нєт, ваше благородіє!

Скворцов. Зачем же ты не отдал?

Шельменко. Не могу знать, ваше благородіє!

Скворцов. Как не можешь знать! Ведь же ты в доме был?

Шельменко. Нікак нет, ваше благородіє!

Скворцов. Почему же нет, когда я тебе приказал?

Шельменко. Еге!.. Пожалуй... Ваше б то благородіє і приказали, а я було, будучи, і пішов, так що ж? Собака, ваше благородіє, та так здорово за хатою загавкала, так я, теє-то, і навтікача...

Скворцов. Ах ты трус!..

Шельменко. Видюща смерть страшна, ваше благородіє!

Скворцов. Я тебя еще не так напугаю. Прикажу отпустить обещанных за неисправность тебе сто палок.

Шельменко. Ради стара... Чи то пак: без вини виноват, ваше благородіє!.. Ваше благородіє! не положіть гніву! Подозвольте мені,

будучи, без артикулу, а так, словесно, побожитися перед вами, що коли, будучи, ми не відштурмуємо панночки, так щоб я перед вашим благородієм оттутечка, теє-то, прахом розпався! От що.

Скворцов. С твоей ли головой это и сделать?

Шельменко. Та вже ж!.. О-ох, ваше благородіє! не знаєте ви сієї голови! Робили ми, будучи, проізводством і не таковії діла, як, бувало, відкомандируємося на слідствіє з покойним секлетарем Грошолупом. Нехай над ним земля пером! (Вздыхает.)

Скворцов. Ты все хвалишься, а сам и начала не сделал.

Шельменко. Де то вже не зділав? я, ваше благородіє, без сорому казка, підмовив одну чорнобривку, щоб теє-то, знаєте, вибігла ген до тії розсоховатої яблоні; так ми там, там, теє-то, порадимося. Знаєте, ваше благородіє! як Шельменко та з хитрою дівкою, теє-то, так, будучи, і самого чорта зануздають. Ідіть же, ваше благородіє, на кватирю, тягніть люльку, а тут, будучи, усе гаразд буде.

Скворцов. Смотри, Шельменко, не проведи меня!.. Ах, какое мучение терплю!.. Бывал ли ты влюблен?

Шельменко. Що б то, будучи, як, ваше благородіє?

Скворцов. Ну, любил ли ты кого-нибудь?

Шельменко. Ох, ваше благородіє! Будучи, нігде гріха діти: любив, та ще й тепер кріпко люблю!

Скворцов. Вот это для меня новость. Кого же это?

Шельменко. Гроші, ваше благородіє! Любив, люблю і любитиму, аж поки, будучи, здохну. Що то я їх люблю!.. І батька, і матір, і жінку, і дітей, і увесь рід свій за них віддав би! Та коли по правді, будучи, сказати, так нема і у світі нічого і нікого луччого, як, будучи сказать, гроші.

Скворцов. Скот — и больше ничего.

Шельменко. Та єй, істинне слово, скот, ваше благородіє! І я те ж кажу. Ідіть же, будучи, собі відсіль; та будьте, теє-то, близенько, щоб як гукну, так щоб ви тут і вродилися. Може, й панночка, теє-то, на шпацір вийде, а ви тут, стало бить, і є.

Скворцов. Смотри, Шельменко, работай проворно; я тебя награжу; а не то — палки по обещанию. (Уходит.)

Шельменко (один, в размышлении). Палки, палки!.. Чи думав ти, пан Шельменко, об палках, як був при волості писарем?.. Гай-гай! Не тепер споминки. Тогді не тільки уся волость трепетом мене трепетала, не тільки голова прийдіте поклонімося, та й сам засідатель не знав, на яку ступити перед Шельменком. А тепер не можна Шельменку і пари з уст пустити, та усе по артикулу: і ходи, і говори, і дивися усе по артикулу... Ой, Микито, Микито! а пуще його стара мати: заїли ви мою голову, чим би я досі, будучи, був? (Задумывается.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Шельменко и Мотря.

Мотря. Чего вы меня, господа служивый, звали?

Шельменко. Отже, спасибі нам, що ви, будучи, вийшли. Ось ходіте же сюди, під сюю грушу, я вам щось таке, будучи, скажу, таке гарне.

Мотря. Говорите же скорей, мне некогда.

Шельменко. Знаєте, будучи, що? Які ви повновиді, мов місяць... та, теє-то... які чорняві... Я вас, душко, кріп-ко, будучи, полюбив.

Мотря. А мне какое до того дело? Вот еще!.

Шельменко. Як, яке діло? Я вас так кріпко, будучи, полюбив, що удень не сплю, а уночі не їм, так, будучи, на стіну деруся та вас, теє-то, бажаю.

Мотря. Деритеся себе куда хотите, а мне нужды мало.

Шельменко, Як-то, нужди мало? Полюбіть-бо, кришечко, і ви мене.

Мотря. Пожалуй, полюбить недолго, да какой из того толк будет?

Шельменко. А такий товк, що ми собі, теє-то, поберемося.

Мотря. Чтоб я не дождала за солдата выйти!

Шельменко. Отак. Який я салдат? Був колись салдатом, як і усяк наш братчик воєнний, та знаєте, як я у службу пішов, будучи, охотою, так такий хвабрий був, що тільки де забачу турка, то так його, будучи, і ізрубаю, так за се мене і пожаловали чином, і вже я, стало бить, з простих вийшов, а став, будучи, капітанський денщик. От що!

Мотря. Так вы уже и благородные?

Шельменко. Еге!

Мотря. А не брешете ж вы? Или, может, вы такой благородный, как за денежку пистолет?

Шельменко. Стану я, будучи, у такім важнім ділі брехати.

Мотря. Отчего же, когда вы благородные, а служите капитану?

Шельменко. Се вже у нас, будучи, у воєнних така поведенція, щоб старшому прислуговувати. Артикул так велить. Ось як ще послужу та стану, будучи, генеральським денщиком, так тогді вже теє-то, і охвицери до мене прийдіте поклонімося.

Мотря. Когда выйду за вас, то буду ли я благородная?

Шельменко. Та-таки точнісінько, як і я.

Мотря. Так присылайте же сегодня старост меня сватать; я уже вас крепко полюбила.

Шельменко. Отак би, будучи, й давно! Знаєте що? Часом пани ваші за мене вас не віддадуть, так ми ось що зробим: нехай мій, будучи, капітан та на вашій панночці, теє-то, ожениться.

Мотря. Так мои господа не отдают ее за него и уже барышне приказано, чтоб она об нем и не думала.

Шельменко. Так ми зробимо так, щоб вони побралися, хоч старі і не хочуть. Коли ж побачите, що вам непереливки, так ви з нами, теє-то, утечіть. Нате ж лишень оце, будучи, письмечко до панночки; тут усьо написано; у яку пору вам і куди вийти; тільки ви нам дайте, теє-то, звістку. Нате ж, нате, та віддайте, будучи, бережненько.

Мотря. Этого никогда не будет. Что за находка идти за вашого капитана? Кругом бедный и ничего нет. А вот к обеду будет жених, пан Лопуцьковский, так-так! Богатый и перебогатый! Человек его рассказывал, что при сватаньи всем дворовым людям будет дарить шелковые платки. Так вот что!.. А ваш капитан что? Тьфу!

Шельменко. Та нехай же капітан, будучи, і тьфу, так я цяця. Будете, будучи, благородні і чиновні по мені.

Мотря. Я лучше соглашусь выйти за богатого, чем за чиновного. Повесьте свои чины себе на шею; плевать я на вас хочу.

Шельменко. Ось послухайте, душко, що я вам, будучи, скажу...

Мотря. Чтоб вы не дождали, чтоб я барышню согласилася отдать за капитана; с тем меня и отпустите. Мне некогда: у нас такие приборы идут в доме, что не то что!..

Шельменко (в сторону). Та і бриклива ж! Але не лається улад. Ну, ще попробую. (Вслух.) Та я вже не про панночку; як ви собі з нею, будучи, знаєте; а я вже про себе казатиму. Коли б ви знали, який я, стало бить, багатий, скільки в мене худоби... Ось послухайте... (Говорит ей тихо, а между тем.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Шпак в халате, колпаке и туфлях, неся большую кипу московских газет.

Шпак. Уж мне эти приборы. И в кабинете не дали покою. Недавно мыли полы, а тут, для приема жениха, опять поднялась возня. Выйди да выйди! Только было принялся читать славную речь, говоренную кем-то в английском парламенте насчет Ирландии, так не дали, да и не дали! Авось-либо здесь не помешают. (Садится на скамейке и перебирает листы.) Где ж я остановился? Да, точно, № двенадцатый, февраля второенадесять число... что?.. так, так. Боюсь, чтобы прочитанного не начать сызнова читать, а начавши, должен буду и оканчивать, так двойная бы работа была...

Мотря (испуганная). Беда моя, что теперь барин подумает? Как уйти?

Шельменко. Попався, жучку, панові у ручку! От халепа буде.

Шпак. Кто это там? (Подходит и увидев их.) Чего вы тут забрались? Что это значит? И капитан и денщик принялись за любовные куры, а?

Шельменко. Та так-таки, так. Зпаєте, наша рябенька курочка та десь, будучи, забігла, кат її матір зна! так я оце питався, чи не забігла, теє-то, до них...

Шпак. Я тебе дам курочку! Живого тебя не выпущу. Это капитанские штучки? Зачем ты, Мотря?

Шельменко. Та вона зо мною... теє-то, ваше благородіє...

Шпак. Я не тебя спрашиваю; с тобою разделаюсь после. Говори ты, Мотря! скажешь правду — половина вины прощена.

Мотря. За мною, сударь, и никакой вины нет, хоть сейчас умирать. Они вызвали меня да уговаривали, чтобы я помогала барышне выйти за капитана, и отдавали мне письмецо, чтобы я барышне...

Шпак. А, бездельник! Что теперь скажешь?

Шельменко (в сторону). Не що, відбрешусь! (Вслух, с притворною робостью.) Хто, я, ваше благородіє?.. Та я вам, будучи, з переляку усю правду істинную розкажу.

Шпак. Не смей меня величать — ваше благородие; я не ровня твоему капитану. Хоть я и не служил нигде, так отец мой был бунчуковый

товарищ, а этот чин равняется коллежскому асессору, а тот с майором. Так видишь ли, как я далек от всех благородных.

Шельменко. Я, глядячи на вас, так і думав, а тепер і зовсім, будучи, бачу — ваше високоблагородіє.

Шпак. То-то же! Сейчас открой мне всю правду: зачем ты здесь и что это за письмо?

Шельменко. Зараз, ваше благор... чи то пак: ваше високоблагородіє, усе вам дочиста розкажу. Мій капітан та задумав вашу дочку, теє-то, узяти...

Шпак. Далеко кулику до Петрова дня.

Шельменко. Так-таки, ваше високоблагородіє, я йому, будучи, отак точнісінько й казав: чи ви ж їм, кажу,-рівня? То пан Шпак, на усю губу пан: а ви хто? Він бун-чуковенко, а ви хто? Пан Шпак багатий, а в вас що? Мундєр та рейтузи. Так-таки затявсь та й затявсь... Отже, будучи, і поліз свататись, та, спасибі, ви йому і піднесли, будучи сказать, печеного гарбуза. Писаніє глаголеть: котузі по заслузі.

Шпак. Так и ты против своего капитана?

Шельменко (в сторону). Ану, Шельменко, бреши на усі заставки! (Вслух.) Та й я против нього, ваше висо-коблагородіє, бо не люблю неправди опущ хріну, правдою живу на світі і, будучи, усім її у вічі так і сиплю, мов піском.

Шпак. Так ты, видно, человек не без рассудка?

Шельменко (в сторону). Наш! (Вслух.) Так потроху, будучи, маємо про себе, для усякої нужди, ось як і теперечки.

Шпак. Все это хорошо, но зачем же ты здесь?

Шельменко. Ось бачите зачім: мій капітан і після гарбуза, будучи, не прочуняв. Що йому гарбуз? фіть-фіть! Якби, була, ваше високоблагородіє, ви його, будучи, де застукали та одспівали б йому добре, щоб, стало бить, не сікався за нерівню.

Шпак. Правда твоя, я, было, так и думал, да отсоветовала жена.

Шельменко. От бачите! А він тут і розвередувався. Давай, каже, ми у пана Шпака дочку, теє-то, украдемо…

Шпак. Ах он, бездельник!

Шельменко. Та такий бездільник, ваше високобла-городіє, що, будучи, скільки я по світу не ходив, так такого не бачив.

Мотря. А вы же, служивый, нам его расхваливали и что уже лучше его и нет.

Шельменко. Потурайте, Мотросю,— не знаю, як вас по батюшці,— що ми, служиві, вам, будучи, говоримо! Тільки розпустіть уха, то забожимося, що і на вербі є груші. То я вас тільки випитовав.

Шпак. Это правда, умный человек все меры употребляет.

Шельменко. Істинне ваше слово, ваше високобла-городіє! Тим-то і я, будучи, усякії міри потребляю.

Шпак. Очень похвально; но зачем же ты сюда пришел и о чем с Мотрею говорил?

Шельменко. Та то ми, будучи, собі.., зійшлися так, теє-то, знаєте, ваше високоблагородіє…

Мотря. Что вы брешете? Вы вызвали меня, уговаривали, чтоб я за вас замуж вышла, рассказывали про свое богатство и письмецо к барышне передавали...

Шельменко. Те-те-те-те. І я ж те ж кажу, і воно усе так, та тільки трішки, будучи, не так. Ох, жалко мені, що не можна усього розказувати!

Шпак. Иди, Мотря, домой и ничего не говори барыне; я скоро сам приду.

Мотря. Боюсь, чтоб он вам не наговорил чего лишнего.

Шпак. Не бойся, не бойся, не твое дело.

Мотря уходит.

Ну, теперь расскажи мне все, по самой чистой правде.

Шельменко. Моя правда, будучи, чистіше усякої правди, і як я є самий чесний чоловік. От бачите, ваше благор… чи то пак,— гм! — ваше високоблагородіє, як дав мені капітан письмечко до панночки, а тут написано, коли і як утекти, так я, будучи, аж заплакав собі нищечком,— от, єй — правда! — бодай я перед вашим здоров’ям ніколи не плакав, коли се брешу. Жалко стало, що ми, будучи, вас, над панами папа, над шпаками шпака, у вічі обдурюємо, а ви нам вірите, мов добрим.

Шпак. Благодарю тебя, мой друг, за усердие ко мне. Что же далее? Ты взял письмо?

Шельменко. Ох, узяв, щоб часом він через другого кого не передав. Узяв та, будучи сказать, та й думаю собі: як би вам переслати? Аж ось дівчина тут кислички збира: от я до неї та, знаєте, щоб вона добріша була, так я, будучи, теє-то... Звісно, молодецьке діло...

Шпак. Понимаю, понимаю. Я и сам был молод.

Шельменко. А, бачу, ви й догадалися? Ну-ну, не знаю, щоб вас обманити можна було? Що за догадливі! Ось, як я бачу, що вона до вас, теє-то, усердна, от я й кажу: віддай, душко, письмечко панночці. Бо певно знав, що вона його вам віддасть; то от я й перед капітаном не був би виноватий, і вам би, будучи, услужив. Тільки що се кажу, а тут ви і вийшли, нехай здорові будете та повік би мене слухали. (В сторону.) От збрехав, аж пальці знать!

Шпак. Ах, да ты мастерски схитрил. Я замечаю в тебе много ума, а честности и еще больше.

Шельменко. Не підемо куповати або позичати; буде з мене. Ще мене, будучи, як розкуштуєте, то ще і не те скажете. А щоб ви мені зовсім повірили, то нате вам, будучи, і письмечко та і прочитайте собі. Писаніє глаголеть: письмо очі колеть.

Шпак (прочитав письмо). Ах он, бездельник! ах, мошенник! Я это письмо представлю в суд и буду на нем бесчестья искать!

Шельменко. Та ні, ваше високоблагородіє, що вам безчестя? По писанію, як об стіну горохом. А підете по судам, то хіба, будучи, не знаете, як почнуть справки та сообщенія писати, а капітан тим часом панночку, теє-то, вкраде і зробить по-своєму, тогді нічим і не залатаєте.

Шпак. Правда твоя, друг мой, правда. Что же мне делать, ума не приберу. Не придумаешь ли, как бы мне насолить капитану?

Шельменко. Де вже моїй голові за вашим розумом! Тут би от що: прочитати б оце письмечко панночці; може, вона, сердешна, будучи, нічого сього й не зна, а він до неї в’яжеться, так, по писанію: мокрим рядном нападається.

Шпак. И то может быть; твой совет хорош. При дочери прочитаю жене, что-то она скажет.

Шельменко (в сторону). Коли б мене туди допустили, я б вас обох одурив і дочку б викрав. (Вслух.) Робіть же, ваше високоблагородіє, тутечка-здесь як знаете, а я піду до капітана, будучи, з лепортом.

Шпак. Ты ему скажи, что письмо отдал в руки Присиньки.

Шельменко. Нічого робить, треба так казати, хоч і неправда. А що вже я не люблю брехати, так точнісінько, як гірку редьку їсти. (Вытянувшись.) Прощенія просимо, ваше високоблагородіє!

Шпак. Прощай, мой любезный! Когда что новое узнаешь, приходи прямо и расскажи. Я тебе особенно благодарить буду.

Шельменко. Ради стараться, ваше високоблагородіє! (Подойдя к Шпаку.) А коли знаєте що? Я тут, будучи, буду сновати і у дворі і у садку, чи не запримічу чого, та хоч би й самого капітана, то й дам вам зараз звістку: кахикну ось так (кашляет), то ви до мене якомога й поспішайте. Щасливо оставаться. (Вытягивается, делает налево и марширует, все неловко.)

Шпак (один). Какое счастие, что я привлек на свою сторону этого честного малого. Теперь капитан у меня в руках! Захочу, и через Шельменка попадется в новый лабет. О, да пристыжу же его крепко! Забудет сманивать невест. Фенночка моя в хлопотах по хозяйству, а как управится, сойдемся, тогда, по совету Шельменки, прочту это письмо

дочери и по обстоятельствам начну действовать. Золотой Шельменко! Ну, что-то мои христиносы с карлистами?1 (Садится и читает газеты.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Шпак и Фенна Степановна.

Фенна Степановна (с пузырьком в руках). Вот где они забралися! Я вас, душечка, по всему дому искала.

Шпак (приставив палец к газетам). Потеря карлистов... Где ж мне в доме усидеть, когда вес полы моют? А что вам, маточка, надо?

Фенна Степановна. Дело есть поговорить.

Шпак (так же, [не] оставляя читать). При переправе... Дайте ж мне, Фенночка, вот немного дочитать описание преинтересного сражения; я и сам имею очень нужное к вам. Так вот сражение завязалось...

Фенна Степановна. Полно уже с своими сражениями. Как примутся сражаться, так ни до чего уже и дела нет. Нуте-бо, Киричка, займитеся еще и со мною.

Шпак. Разнесся слух... Да что там такое? При побеге взято...

Фенна Степановна (показывая пузырек). А вот, душечка, не хотите ли принять лекарства?

Шпак. Помилуйте меня, маточка! Я совсем здоров, и на что мне лекарство? Да и какое еще оно?

Фенна Степановна. Так что ж, что здоровы,— еще здоровее будете. Это от колики: нате выкушайте!

Шпак. Да меня нигде не колет. Помилуйте меня, Фенна Степановна, разорение с вами! Что вам это вздумалось здорового человека лечить?

Фенна Степановна. Лишнее здоровье, душечка, никогда не мешает. Вот видите: прибираяся к гостям, я перебирала у себя в шкафе,— смотрю, баночка с лекарством. Помните ли, прошлого года зимою я поела на ночь буженины с чесноком и меня схватила колика, так Иван Фомич тогда прописал мне это лекарство.

Шпак. Так то у вас колика была, а не у меня. Вы же, маточка, тогда буженины на ночь накушались, а я вчера почитай и не ужинал. Оно же прошлогоднее; никакого действия не произведет. Возьмите да вылейте его!

Фенна Степановна. Помилуйте меня, Кирила Петрович! Я вам не наудивляюсь: человек вы умный, а всегда так чудно рассуждаете: вылить! Легко сказать, вылить, когда вещь стоит рубль двадцать копеек.

Шпак. Помилуйте же и вы меня, Фенна Степановна! Я тут и в толк ничего не возьму: у человека все благополучно н нигде не колет, так пей прошлогоднее лекарство, чтоб деньги не пропали! И с чем его принимать: с чаем или с вином?

Фенна Степановна. И сама не знаю, что-то забыла. И внутрь ли принимать или снаружи мазать — ей же то богу моему, не помню, хоть сейчас убейте меня, не помню! (Ласкаясь к нему.) Да нужды нет,— тут его немного, всего на один прием; и не счувствуетесь, как выкушаете. Нате-бо!

Шпак. Умилосердитесь надо мною, Фенна Степановна! Что вам за каприз пришел,— мною, как шашкою, играть? Я, кажется, вышел из тех лет, чтоб мною управляли, и люблю жить своим умом. Ну, хорошо, я его приму, а оно наружное да еще, может быть, с шпанскими мухами, так

что тогда будем делать? Мне горло оборвет, и куска не проглочу. Ну, когда вам жаль денег, отдайте Мотре выпить.

Фенна Степановна. Ее ли холопскому горлу глотать по рублю двадцати копеек? Где ваш рассудок?

Шпак. Ну, так идите же себе, ради бога! Сказал, так так тому и быть. Не мешайте мне: тут продолжается важное сражение. (Читает.)

Фенна Степановна (отойдя от него). Все с своими газетами, а нет того, чтобы и жене угодное сделать? Что за чудный нрав у них делается? Чем больше стареются, тем больше к ним ни приступу, и тотчас за все сердятся. Я думаю, что и в десяти губерниях около нет человека с таким умом, как они, а ничего умного во весь век не сделали. (Мужу.) Уж как по этакой сумме будем выливать, так и концов не сведем. Одни процессы с Тпрунькевичем чего стоят....

Шпак (бросив газеты, с досадою). Не вспоминайте мне про этого изверга! Уж я же его доеду! Эти гуси ему так не пройдут: всего лишуся, имение потеряю, а взыщу с него за побитые гуси. Я его доеду!

Фенна Степановна. Как бы хоть теперь поменьше издержек на эти тяжбы: нам нужно Присиньку выдавать; вот жених...

Шпак. Да, да, правду сказать, надобно спешить ее выдать. Вот как кончу сражение, так я вам расскажу...(Читает.)

Фенна Степановна. Благодарю бога, что женихи к Присиньке показались... Я и не так богата была у батюшки, как она у нас, а за мною женихов было, что собак. А отчего? Покойный батюшка на хитрости поднялся закупил всех смотрителей на соседних станциях, чтобы всем проезжим рассказывали, что такая-то барышня — и богатая, и красивая, и разумная! Так верите ли,— ежедневно от женихов не было отбою.

Шпак. Однако ж, маточка, я пи от кого не слыхал об нас и не знал, есть ли вы на свете; а судьба как судьба. Мимоездом заехал да разом и влюбился в вас по уши. Смотрю: девка кровь с молоком, да подступить не смею. Для смелости натянулся с вашим батюшкою наливки; он принялся за гусли, да как дернет горлицы, я и разносился…

Фенна Степановна (гладя ого по лицу). Эта-то горлица меня и доехала. Вы носитесь вприсядку, а я так и таю... (Целует его в лоб,)

Шпак (также целует ее). Да в тот же вечер и по рукам ударили.

Фенна Степановна. Хорошо бы и Присю так, чтоб не долго водить.

Шпак. И непременно так должно, а то чтоб наш постоялец не наделал штук.

Фенна Степановна. Капитан? Разве и после отказа не образумился?

Шпак. Куда!.. Сманивает ее, чтобы ушла с ним. Вот я переловил письмо. Пойдем, я при ней прочту и выспрошу у нее, в согласии ли и она с ним? Пойдем вместе. (Идет к дому.)

Фенна Степановна (всплеснув руками). Письмо?.. Какой стыд, какой позор!.. В кого это она? Ко мне никто в свете не писал амурных писем!.. Замуж, замуж сего же дня, сейчас замуж, чтоб не любилася с капитаном.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Шельменко (один, выходит от дому и ищет между деревьями). Де ж тут у гаспида його благородіє? Нема та й нема! А кріпко пильно було

його треба-нада. Як же знайдеться, так і заспішить: розказуй йому швидше, та не приговорюй, будучи. Як-таки нашому братчику без приговорок? Поки мямкаючи скажеш,— будучи, та стало бить, та теє-то, а тут і видумаєш, як би гладенько збрехати або вибрехатися. Се вже наша писарська натура. А як я подивлюся, так усюди однаковісінько — і у волості, і у суді, і у службі, Салдат або писар, та й секлетар діло зробить, усе до ладу приведе, а начальник і хваста: єто ми-ста здєлалі. От і тут так: я зовсім усе діло налагодив, баришню вкрадемо, його благородіє ожениться і худобу забере, а Шельменці коли скаже спасибі, то ще й гаразд; а коли тут же провинишся у чім, то зараз і палки... О, докучили мені отії палки! Коли б же я їх не накликав, що й досі не знайду капітана. Агов, ваше благородіє! Он іде; стой, Шельменко, та рівняйся! (Вытягивается.) О, мука, та й годі!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Шельменко и Скворцов.

Скворцов. Что, Шельменко, есть ли что новое?

Шельменко. Усього нового багато є, ваше благородіє!

Скворцов. Говори мне скорее просто, своими словами, только оставь свое несносное "будучы".

Шельменко. Величать, ваше благородіє, коли не прикажете, то й не будемо, тільки без "будучи" не можемо (в сторону), затим що без брехні не обійдеться.

Скворцов. Ну, говори скорее: видел ли ты барышню, знает ли она про письмо, согласна ли уходить?..

Шельменко. Сейчас-зараз усьо порядком розкажу. Як я пана Шпака навчив, то він, мій сердешний, точнісінько так і зробив. Письмо панночці

прочитав, та й принялися удвох, будучи, з панею її лаяти. Панночка у сльози... О, та не хитра ж і вона! Плаче та вас коренить, каже: і цур, каже, йому і пек, каже, йому; себто вам, будучи, ваше благородіє, не від мене ви, теє-то, чуєте. Тут же лає, а тут письмечко — сіп та, будучи, і сховала до серця. От єй, не брешу! Хоч би мені, будучи, пропасти ось тутечка здєсь...

Скворцов. Перестань божиться, я тебе верю; оканчивай скорее.

Шельменко. От добре, що вірите, і вірте завсегда. От, будучи, панночка і відцуралася від вас, що, каже, і не хочу, і не жалаю, і на думці не покладаю, щоб, будучи, йти за нього. От старі й повірили й пішли від неї. От і зовсім.

Скворцов. Видел ли ты после барышню, и не приказала она чего мне сказать?

Шельменко. Де-то вже не бачив, істинно бачив і з нею у сінцях, на самоті, теє-то, говорив, ось як тепер, будучи, з вами, нехай здорові будете.

Скворцов. Не приказала ли чего мне сказать?

Шельменко. Де-то вже, будучи, не приказовала? Там такого наговорила, що за ніч замість казки і не переслухаєте.

Скворцов. Что же такое? Говори, не мучь меня!

Шельменко. А ось що казала: я його, каже, до смерті люблю,— себто, будучи, вас, ваше благородіє. Що, каже, хоч я й відцуралась від капітана при батюшці і при матушці, так се, каже, неправда, брехня по-нашому, а я таки його люблю, а на пана Лопуцька і дивитися не хочу.

Скворцов. Это что еще за Лопуцок?

Шельменко. Жених до панночки, кажуть, багатий та перебагатий. Оце туж-туж із старостами буде. Там їх так дожидають: усю птицю на птишні, будучи, порізали; пан з панею, теє-то, усе сваряться: вона дівчат товче, а він хлопців усюди протурює. Увечері, кажуть, і сватання зап’ють.

Скворцов. Еще этой беды недоставало, чтобы сбоку явился жених! Ах, какое мое критическое положение!

Шельменко. Та ще положенія не було ніякого, ваше благородіє, ще тільки сватання! А ми швидше украдемо панночку, то поки тут страва поспіє, а ми собі, будучи звінчаємося і, теє-то, вернемося...

Скворцов. Ах, если бы мне увидеться с Присинькой! Спроворь мне это как-нибудь...

Шельменко. Та я вже і спроворив. Туж-туж, казала, вибіжить.

Скворцов. Что же ты мне о самом лучшем и не скажешь?

Шельменко. Щоб не так, будучи, кортіло. Е, цур паліччя! Он вже і біжить. Поженихайтеся ж ви собі трошки, а я постою на калавурі.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Присинька.

Скворцов (спешит к ней навстречу). Ах, какое ты мне доставляешь удовольствие! (Целует ее руку.) Как я счастлив, что еще вижу тебя... Уверяюсь в любви твоей и, может быть, вижу тебя в последний раз...

Присинька. Совсем же не в последний раз; я как поклялася вам, что буду любить вас вечно и что ни за кого не пойду, кроме вас, то и сдержу слово.

Скворцов. А ожидаемый жених?

Присинька. Я об нем и не думаю и ни за что в свете не пойду за него. Моя машермер2 сказала...

Скворцов. Милая Присинька! Я тебя просил не говорить по-французски...

Присинька. Не буду, право, не буду. Отчего вам не хочется, чтоб я говорила по-французски? Я очень хорошо говорю...

Скворцов. Оттого-то я и прошу, чтоб ты не говорила, потому что тебя учили не так, как должно, а оттого ты и все подруги твои не говорят, а коверкают слова так, что знающий по-французски не поймет ничего, что вы говорите. Пожалуйста же, больше не говори. Читала ли ты мое письмо?

Присинька. Оно не прямо дошло до меня: батенька его перехватил и прочитал мне с большими упреками до того, что я... Не рассердитесь... Принуждена была сказать, что я вовсе вас не люблю и отказываюсь от вас, а письмецо я таки тихонько схватила, и оно у меня здесь.

Скворцов. Стало, ты согласна на мое предложение?

Присинька (с смущением). На... на какое?

Скворцов. Бежать со мною и тайно обвенчаться.

Присинька. Бежать!.. Как это слово раздирает мою душу!

Скворцов. Отчего же, моя милая Присинька! Ты вынуждена к тому крайностью. Родители твои ни за что не соглашаются выдать тебя за меня, ты любишь меня и желала вы быть моею лучше, чем выйти за предлагаемого тебе жениха. Не так ли?

Присинька. Оно так, конечно, но…

Фенна Степановна показывается за деревьями и подслушивает.

Шельменко (подойдя к ним). Та зділайте милость, менше говоріть, а швидше діло кінчайте. Воно ось як: ми, будучи, поєднаємо попа, щоб вас звінчав, смерком підбіжимо до хвіртки, що ген-ген біля загороди; я, будучи, буду тутечка-здєся і подам вам звістку, а ви, панночко, і чурхніть не оглядаючися, та швидше до вінця, а там, теє-то, вже звісно…

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Фенна Степановна.

Фенна Степановна. А что это такое?.. Чему это ты научаешь?.. Что у вас за умыслы?.. Увозить мою дочь?.. Не стыдно ли вам, Иван Семенович, за нашу хлеб-соль платить неблагодарностью?

Шельменко (в сторону). От і встереглися від злої баби! треба відбріхуватись.

Скворцов. Одна сильная любовь к вашей дочери извиняет меня в таком решительном намерении.

Фенна Степановна. Сильная любовь! Поэтому, какое бы вы нам зло ни сделали, так все будете отговариваться сильною любовью?

Шельменко. Отак пак! Ііисаніє глаголеть: на вовка помовка. Сами, будучи, у усім виноваті, та на любов звертають. Хіба ми не знаємо?

Фенна Степановна. А ты, плут, зачем мешаешься? Не ты ли тут давал советы, как уходить?

Шельменко (смеется). Хе-хе-хе-хе! О, бодай вас! Нічого, будучи, не знають та й говорить.

Фенна Степановна. Как ничего не знаю! Не ты ли здесь стоял?

Шельменко. Стояв.

Фенна Степановна. Не ты ли говорил, как смеркнет?..

Шельменко. Казав.

Фенна Степановна. Не говорил ли ты, что коляска подъедет к калитке?

Шельменко. Говорив.

Фенна Степановна. Не говорил ли ты, что когда будет все готово, так ты дашь знать Присиньке...

Шельменко. І стояв, і казав, і говорив. Так що ж?

Фейна Степановна. Так то, что тебя прежде всех надобно проучить.

Шельменко. Еге! Воно і так, та трошки не так. Жалко мені, що, будучи, не можна усього при усіх розказати! Ось ходім, пані, удвох під он ту яблоню, так я вам, теє-то, щось розкажу.

Фенна Степановна. Еще он смеет меня дурачить и на секреты звать! Вон, подлец, из моего саду и не смей ни здесь, ни во дворе показываться! Велю дубьем прогонять! А вам, сударь, однажды навсегда сказано, что она вам не суженая. Оставьте нас в покое и ее более не смущайте: она уже почти сговорена за другого. Итак, что было между вами, должно совсем прервать.

Присинька. Маменька, я ни за кого не пойду, если не отдадите за Ивана Семеновича!

Скворцов. Я умру при глазах ваших, если отдадите Присиньку другому!

Шельменко. Коли не віддасте за нас, то і я або, будучи, втоплюся, або світ за очима піду.

Фенна Степановна. Дураку туда и дорога! А вас, сударь, еще прошу: оставьте нас скорее; муж мой, если увидит вас здесь, то, не прогневайтесь, нанесет вам больших неприятностей. Прися, иди домой! я тебя с глаз не спущу.

Скворцов. Знай, Присинька, что ежели отвергнешь мое предложение, то завтра же узнаешь о моей смерти! (Уходит.)

Шельменко. Я й одлепортую.

Присинька. О боже мой! Кто меня наставит в этом критическом положении! (Плача идет к дому.)

Шельменко (провожая ее, тихо). Слухайте мене, то усе буде гаразд. (Возвращается.)

Фенна Степановна. Ты зачем здесь остаешься? Вон и ты!

Шельменко (кашляет громко). Кахи!.. Кахи!..

Фенна Степановна. Он еще и раскашлялся! Вон, говорю я. Тебя не долго, велю и в дубье принять.

Шельменко (подойдя к дому, все кашляет). Та кахи-бо... кахи... кахи... Агов!.. кахи...

Фенна Степановна. Он меня бесит своим кашлем. Убирайся вон или я позову людей.

Шельменко. Та кахи... кахи... кахи... Аж ось насилу!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Шпак.

Шпак. Что тут? А, это ты, Шельменко? Что тебе надобно?

Фенна Степановна. Ему то надобно, что он здесь славные дела завел. Вызвав Присиньку, да и свел ее с капитаном и научил, как им уйти.

Шпак. Шельменко! Что я слышу?

Шельменко. Те чуєте, що пані вам говорить.

Шпак. Так ты уже и с капитаном заодно?

Шельменко. Та де вже вам, будучи, заодно; то так їм, теє-то, почулося.

Фенна Степановна. Какое — почулося? Я прихожу, душечка, сюда, а они все трое советуются, как им Присиньку увезти, а он тут и распатякался (дразнит Шельменко): "Пидбижимо, будучы, до хвиртки, та вас, будучы, украдемо". Как я тут и отозвалася. Как же он побледнел, испугался, что его плутни открылись... А не так ли? Что же ты молчишь?

Шельменко. Мовчу (в сторону), а опісля і відбрешусь.

Шпак. Что, Шельменко, не похоже ли это на мошенничество?

Шельменко (утвердительно). Похоже, ваше висо-коблагородіє.

Шпак. Так прочь же с глаз моих, бездельник! Ты думал меня обмануть, взявши будто мою сторону против капитана, но не на того напал. Я сейчас увидел, что ты как литовский цеп — на обе стороны работаешь. Счастье твое, что все люди в доме заняты, — ты бы дешево отсюда не вышел. Вон отсюда и не смей мне на глаза показаться!

Шельменко (печально). Прощайте, ваше високоблагородіє. Щасливо оставаться... (Вдруг зарыдал притворно и будто горько плачет.)

Шпак. Чего ты это разрюмался?

Шельменко (все будто плача). Жалко... такого, будучи, отця і родителя... покидати. Я думав вам щиро служити, та...

Шпак. Да спотыкнулся, а?

Шельменко. Не спотикався, ваше благор... чи то пак: ваше високоблагородіє, а йшов, будучи, прямісінько і усе, стало бить, робив як лучче.

Фенна Степановна. Хорошо — лучше, когда было совсем увезли Присиньку, если бы не я. Скажи, не правда ли моя?

Шельменко. Та воно-то, будучи, правда, та трошки щербатенька, пані бунчучепчихо!

Фенна Степановна. Как щербатенька? Смеешь так говорить? Вон отсюда!

Шпак. Постой, маточка, не горячися; прогнать всегда можно, послушаем, что он скажет в свое оправдание.

Фенна Степановна. Что его слушать? Он наврет всякого вздору, и ему не должно верить, когда я сама слышала.

Шельменко. Та, пожалуй, ви чули, що я тутечки казав, та не були, будучи, у мене у душі, не знаете моєї думки.

Фенна Степановна. О, я знаю, что ты спишь и видишь, как бы своего капитана женить на Присиньке! Я все знаю.

Шельменко (в сторону). Якраз відгадала!

Шпак. Что же было у тебя на уме? Рассказывай, да знай же, что ты меня больше не проведешь и я тебе ни на волос не поверю.

Шельменко. Чи мені ж, такому мізерному, та обманути такого пана з такою головою? Не знаю! Таківські й ви. А вже хоч вірте, хоч зовсім не вірте, а я як єсть салдат, присяжний чоловік, довжон усю правду сказати. Як звеліли ваше високоблагородіє мені поглядати, чи не вздрю, будучи, де капітана; от я і підглядаю... Зирк! а вони і збіглися, будучи, під сією яблонею, та й почали, теє-то, женихатися. Мене так жаль і узяв, що такого милого та доброго пана, будучи, бунчуковенка, що зовсім, будучи сказать, на майора здається, та хто ж обманює? Тільки що

капітан? Гай-гай! Ось я і підійшов до них та давай їм, будучи, теревені правити, а сам, теє-то, усе силкуюся кахикнути, як змовлявся з вашим високоблагородієм; усе силкуюсь, усе силкуюсь, щоб кахикнути, і вже й сам не тямлю, що їм, будучи, брешу, і тільки що налагодився, щоб на увесь садок, теє-то, кахи!.. а тут паню і принесло на те. От вона, будучи, і зчепилася зо мною; поки одвіт дав та вп’ять почав кахикати, а капітан і потяг до лясу. Так от що, будучи, пані наробила, а на мене пеня упала… О, горе мені!

Шпак. Ах, маточка, что же вы это наделали? Помешали Шельменку выдать капитана руками! Всегда беретеся не за свое дело. Оставить было все молча, он бы славно все дело кончил.

Фенна Степановна. Помилуйте меня, Кирило Петрович! Неужели бы вы хотели, чтобы ваша жена такая глупая была, чтобы позволила при себе сманивать свое рождение и, слыша, как этот плут ее уговаривает, чтобы отошла молча?

Шпак. Точно было отойти молча. Вы не знаете, Фенночка, этого человека.

Фенна Степановна. Как не знать: это плут преестественный.

Шельменко (в сторону). Як ув око уліпила. Мабуть, вона відьма!

Шпак. Что правда, то правда: плут, тонкий плут; но он взялся мне помогать и, надеюсь, капитана проучит.

Фенна Степановна. Ох, не верьте ему, душечка; он даже и вас проведет. Короче всего, прикажите его прогнать и чтобы он не смел и близко подходить к нашему двору.

Шпак. Этого, маточка, нельзя сделать; я с ним веду против капитана интригу; следовательно, Шельменко мне нужен. А вас, Фенночка,

прошу, что ни будете слышать или видеть, не вмешивайтеся не в свое дело.

Фенна Степановна. Это преудивительные порядки выходят! У матери хотят похитить ее утробу, и она не должна мешать! Вы, Кирило Петрович, хотя и муж мой и в десять раз умнее меня, простой бабы, но я вам однажды навсегда скажу, что он вас обманет, как дважды два — четыре. Не с вашим умом этого не видеть.

Шпак. Не с вашим же умом, Фенна Степановна, делать мне наставления. Я все предвидел, рассчитал, устроил и никому не верю больше, как Шельменку. Идите, маточка, к своему делу и своим вмешиванием не мешайте мне...

Фенна Степановна. Прекрасно!.. Благодарю вас, Кирило Петрович! Заслужила двадцатилетнею моею с вами жизнью, угождая и покоряясь вам во всем, заслужила, что меня меняете на пришлеца, бродягу, мошенника, плута... От вашего ума нельзя было ожидать такой мне пощечины.

Шельменко (в сторону). Кусь-кусь-кусь-кусь!

Шпак. Ох, Фенна Степановна, пожалуйте, не досаждайте мне своею горячностью! Дайте мне окончить, и тогда или сердитеся, сколько вашей душе угодно, или будете мне благодарить.

Фенна Степановна. Я вам уже и так благодарна, дали мне цену! Когда есть у вас какие замыслы, почему мне не скажете? Мне, другу вашему по закону и но сердцу?

Шпак. Я действую осторожно; нужно, чтобы все было втайне...

Фенна Степановна. Так! Я стала у вас и болтунья, и бессмысленная, и бестолкова... Час от часу лучше! Благодарю вас! Оставайтеся же себе

с Шельменком…Заслужила честь… Благодарю вас… Премного благодарю… (Уходит в большой досаде.)

Шельменко. Розсердилась, бачу, пані кріпко.

Шпак. Ничего, пересердится да опять такая же будет. Мы раз десять в день ссоримся, да скоро миримся.

Шельменко. А усе через того капітана, бодай він щез! Я, ваше високоблагородіє, будучи сказать, по простоті ось як розсуждаю: чіпляється він до вашої панянки? Згинь його голова, віддайте вже її за нього; нехай і вам не докуча і собі живе, як йому бог дасть. Озьміть його у приньми, та й мене з ним. Я б був у вас, будучи, або управляющим над вотчинами, абощо! Скажіть йому, нехай вже бере…

Шпак. Этого ты мне не говори, никогда сего не будет. Во-первых, у него, кроме эполетов, более ничего нет, а ведь мечтает как! Подлинно, на грош амуниции, а на рубль амбиции. А кто он? Скворцов. Может быть, предок его торговал скворцами. А я Шпак и от Шпака происхожу. Когда один ясновельможный гетман сидел у ляхов в темнице, то мой родоначальник, из усердия, приходил к темнице и под окошком у него пел шпаком, в чем он очень искусен был. По освобождении своем гетман дал ему большие маетности, шляхетство и герб с изображением темничного окна и шпака с разинутым ртом, то есть поющим. Так вот откуда произошел первый Шпак, а я от него в прямой линии потомок.

Шельменко. Так куди ж нам до вас рівнятися! Як небо від землі. Як я сього, будучи, не знав, якого ви великого є роду, та так собі здуру й думаю, що ви шпак, та й годі, аж ось воно, будучи, що!

Шпак. Ты себя предлагаешь в управляющие; разве ты смыслишь что по экономии?

Шельменко. Гм! Та чи є таке на світі діло, щоб я його, будучи, не змислив! Я та був собі попереду волосним писарем.

Шпак. А! верно, напроказил, что тебя в солдаты отдали?

Шельменко. О, ні, ні, єй же то богу, ні! У мене були такії порядки, що усі, будучи, завидовали. Аж ось ішла команда; я як побачив їх муштру, та так і задрижав, будучи, у службу. Що вже мене просили усі пани та й сам губернатор: "Не ходи, Шельменко, зоставайся з нами". Так куди! Ніхто не вдержить. Знайшли лікаря, будучи, підмогоричили його; він каже: в нього, теє-то, і чахотка, і сухотка, і хальора, зовсім немощний! А я таки, будучи, усіх розіпхав і ускочив таки у службу.

Шпак. Славной малой! Похвально усердие. Но в службе, я думаю, отвык от хозяйства?

Шельменко. Та де відвик! Якби мені поручили свою отчину,— гай-гай! — чого б я, будучи, тут не зібрав! Я вже бачу, як вас прикажчики обкрадають і усе, теє-то, занапащають. А якби в мене: усе б були, будучи, гроші, зо всього брав би гроші, і там гроші, і скрізь би, будучи, були гроші. Якби пак приняли капітана у приньми, то таке б нам було добро. Так кажете ж, що, будучи, не можна?

Шпак. Нет, об этом уже и не вспоминай. А вот чем мне услужи.

Шельменко. А кажіть, кажіть. Усе для вас зроблю.

Шпак. Есть у меня сосед, пан Тпрунькевич...

Шельменко. Ось, що тутечка, недалеко живе? Знаю, знаю.

Шпак. А у него одна дочь...

Шельменко. Та й хороша ж! Неначе граблями уся твар подряпана. А сердита, так і міри нема.

Шпак. До невероятности зла; отец не знает, что с нею и делать. И поделом ему,— он мой первейший враг! Уговори своего капитана, чтоб он женился на ней; расскажи, что она и богата, и добрая, и разумная. Он тебя послушает: ты ведь мастер балясы точить.

Шельменко. Поздоров боже дурнів,— у усім мені, будучи, вірють.

Шпак. Избавь же меня от капитана через эту женитьбу.

Шельменко. Себто по писанію: на тобі, небоже, що мені не гоже. (Смеется.)

Шпак. Вот ты умный человек, тотчас понял меня. Я с паном Тпрунькевичем более двадцати лет в ссоре и терплю от него большие разорения, так бы отомстил ему, навязав такого сахара, как твой капитан, и был бы спокоен насчет своей дочери; да и капитану удружил бы этаким уродом. По делам было бы обоим. Постарайся-ка!

Шельменко. Се так: ваша, будучи, річ до діла. Нехай не бришкає, йо не йо! Прирівнявся до пана Шпака. Добре оце ж ви задумали; я його, будучи, зараз одружу з Тпрунькевнівною.

Шпак. Ты увидишь, как я тебя за это поблагодарю. Приди сказать об успехе. (Уходит.)

Шельменко (один). Зроблю, зроблю. Що б то мені за неволя старатися...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Шельменко и Скворцов.

Скворцов. Ах ты, бездельник!.. Так-то ты меня выдаешь?

Шельменко. Що б то як, ваше благородіє?

Скворцов. Как же? Я здесь за деревьями все слышал, как ты меня чистил и обещал женить меня на каком-то уроде.

Шельменко. Та се, ваше благородіє, була, будучи сказать, насмішка! Я вже пану Шпаку уподобав, що ми стали з ним дуже великії приятелі. Він бреше, а я, будучи, і його перебрешу, та так і подружили. Я йому у во всім піддаюся та такечки і зануздав його. Туж-туж, будучи, віддасть за нас панночку.

Скворцов. Не очень я надеюсь на твои уверения; однако ж найди случай сказать барышне, чтобы на одну минуту пришла к пруду, я ее там буду ожидать. Смотри же, спроворь. (Уходит.)

Шельменко (один). Кат вас зна, за ким руку тягти? Не послухати капітана — битиме, битиме по-воєнному — а помагати капітану, то мій приятель, пан Шпак, як пійма, та як заїде у харківську губернію (показывая на правую щеку), а відтіля та у рожественський уїзд (показывая на левую щеку), та кинеться (схватив себя за волосы) у волосне правленіє, та (нагнувшись к земле) потягне у нижній земський суд, та нагодує буханцями (показывает, как будут бить по бокам), а далі на закуску ще товченіками припоштує, так тогді зовсім біда бідному Шельменку! Та вже ж: не в таких бувальцях, будучи, бував, та викручувався, а тут кого треба — обдурю та, по писанію, скажу гопки, як вискочу.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Опецковский и Шпак сидят на скамье.

Опецковский. Нет, государь мой, Кирило Петрович, нет! Вы не с той точки смотрите на европейскую политику: потому что, в рассуждении реставрации, дело карлистов есть дело самое справедливое... И я давно говорю, зачем Европа дремлет? Все должны вооружиться, все, даже турки и сам Али-паша,3 и идти против христиносов.

Шпак. Жаль, Осип Прокопович, очень жаль, даже прискорбно, что вы это предпринимаете против бедных христиносов, а их дела так хорошо идут! в номере "Московских ведомостей"4 прошедшего года, на котором я остановился, христиносы так славно разбили карлистов!И хотя и сказано, что еще это требует подтверждения, но славное сражение выиграно.

Опецковский. Удивляюсь вам, Кирило Петрович, как можно так читать газеты? Вы их читаете по прошествии года, когда уже, в рассуждении реставрации, европейская политика далеко уйдет и настоящее сделается прошедшим.

Шпак. Читая по прошествии года все номера вместе, я имею полное наслаждение знать, чем какое обстоятельство кончится. Например: кроме военных сражений, я люблю следовать за семейными делами Европы, и вот читаю, что такой-то принц женился; и пока вы, Осип Прокопович, мучитесь десять месяцев неизвестностью, я в тот же вечер узнаю, чем его молодая супруга разрешилася и как зовут новорожденное.

Опецковский. Я следую только за политическим равновесием Европы и, сидя за моим бюро, ясно вижу, как, в рассуждении реставрации, английские министры действуют совсем невпопад и часто против моих предположений. Но я их иногда извиняю: они народ коммерческий и смотрят на европейскую политику совсем с другой

точки, нежели я. А до женитьбы принцев и рождения их детей я вовсе не касаюсь; женись они на ком хотят, у меня есть дела поважнее.

Шпак. О, нет, это приятно отгадывать! И я вам, Осип Прокопович, расскажу пресмешной анекдот: мы были задушевные приятели с Демьяном Омельяновичем Тпрунькевичем. Когда возвратились во Францию Бурбоны,5 я принялся сыскивать невесту герцогу Беррийскому6 и, по политическим видам, предназначил ему принцессу Австрийскую, как он женись на Неаполитанской! Я, по обычаю, ожидая истечения года, газет не читаю и не знаю ничего: как Тпрунькевич приезжай ко мне и, долго подшучивая надо мною, объявил, что принц уже женился. Меня так и взорвало! Слово за слово, с Тпрунькевичем рассорился, и вот с 15-го года в непримиримой вражде. А как дело соседское, то у нас и завелись процессы. И верите, Осип Прокопович, или нет, а у меня с ним в одной гражданской палате7 девять тяжб. Нанимаю поверенных, плачу расходы ужасные! Да вот и еще новое начинается: побил у меня тринадцать гусей, якобы они выбили у него десять десятин овса. Слыханное ли это дело! Итак я ищу на нем за самоуправство, а он отыскивает за побой овса. Завтра будет большое следствие,— чья возьмет! Но я нашел, чем дружку насолить; он у меня постраждает в семействе: скоро-скоро через дочь будет плакать.

Опецковский. Конечно, несогласие мнений, в рассуждении реставрации, дело не бездельное. Меня в подобную досаду приводят дела по европейской политике. Я, сидя за своим бюро, ясно вижу, что Европа худо разделена, и удивляюсь, что никто этого не видит. Я им открою глаза; план мой готов, но нельзя его произвесть, пока карлисты не возвратят себе Мадрита.

Шпак. Скажите лучше, Осип Прокопович, пока карлисты не отнимут христиносам принадлежащего Мадрита.

Опецковский. А почему он им принадлежит, позвольте спросить у вас, Кирило Петрович?

Шпак. Потому, Осип Прокопович, что Мадрит — столица, да еще и гишпанская, а христиносы гишпанцы.

Опецковский. Но карлисты больше гишпанцы, чем ваши христиносы.

Шпак (вскочив, с досадою). Кто так думает, тот дурак.

Опецковский (также вскочив). На чей вы это счет говорите, Кирило Петрович, позвольте вас спросить?

Шпак (с большим жаром). На счет тех дураков, которые говорят, что карлисты более гишпанцы, нежели христиносы.

Опецковский. Я, я это говорю и говорю, что ваши христиносы глупы, как мериносы: так, по-вашему, я и дурак?

Шпак. Как вам угодно принимать, а я говорю, что те дураки, которые мыслят подобно вам.

Опецковский. Как вы можете, как смеете меня ругать в своем доме! Я ваш гость и имею право на ваше уважение.

Шпак. Так вы, приехавши в гости, не заводите беспорядков, каких я терпеть не могу! Как вы смеете поддерживать карлистов, коих я ненавижу? Вы знаете, что я люблю правду и ни для чего в свете не сделаю бесчестного дела.

Опецковский. Да разве я против правды иду? Мое мнение сильное и справедливое... хм-хм! Счастие ваше, что я не тем занят, я бы вам показал себя, пожаловавшись на вас в бесчестии; но, в рассуждении реставрации, отложим, спор наш до другого времени. Теперь, Кирило Петрович, успокойтесь и опять по-приятельски поговорим о том, зачем я, не имев, по возвращении моем из Петербурга, от вас посещения, сам прежде приехал к вам и зачем просил вас выйти в сад поговорить.

Шпак. Обо всем готов и могу говорить равнодушно, но не позволю порицать христиносов.

Опецковский. Отложим наблюдение за европейскою политикою и примемся за семейные дела. Я предварял вас, что привезу родственника моего, Тимофея Кондратьевича г-на Лопуцьковского, в женихи к любезнейшей дочери вашей. Вы его видели, что же скажете?

Шпак (все с неудовольствием). Разве можно по наружности судить о достоинстве? Я мало что его видел, но должен знать, кто он и что имеет?

Опецковский. Ну, полно же горячиться, слушайте меня внимательно. Он службою своею не может похвалиться чрез начальство, всегда его теснившее, но он в отставке губернский секретарь, в выборы идет,8 575 душ з одном селе; а каков он...

Шпак. Фамилия его... Лопуцьковский... Что-то... Не из новых ли?

Опецковский. Помилуйте меня, Кирило Петрович, какой вам лучше фамилии? Нет, эта фамилия у нас из первых: моя жена из этой фамилии. А о уме и прочих его способностях можете судить сами; вот он, как нарочно, к нам идет...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Лопуцьковский.

Шпак. Как вам кажется наше местоположение, Тимофей Кондратьевич?

Лопуцьковский. Это прелесть! Когда я в 32-м году вояжировал из Чернигова в Воронеж, то, проезжая вашу деревню, любовался вашею природою и кое-что отметил в своем журнале.

Шпак. Вы ведете свой журнал?

Лопуцьковский. Ежедневно и со всею подробностью. Записываю, где был, что видел, слышал, с кем что говорил и даже мыслил.

Шпак. Это, должно быть, полезно?

Лопуцьковский. Прелесть, как полезно! Вообразите, что во время моего вояжа в Воронеж, на обратном пути в Чернигов, я, заглянув в мой журнал, наперед знал, где буду ночевать и что найду к ужину.

Шпак. Вы только к Воронежу изволили путешествовать?

Лопуцьковский. Нет, я прежде проехал не к Воронежу, а в самый Воронеж, на Дворянскую улицу, а потом уже выехал из Воронежа обратно в Чернигов. Туда я сделал 645 верст и в обратный путь столько же точно.

Шпак. Не по делам ли службы был ваш вояж?

Лопуцьковский. Никак нет-с, я налицо никогда не служил,9 а вояжировал я, чтобы любоваться природою... Я очень люблю природу, а особливо различную.

Шпак. В деревне занимаетесь хозяйством?

Лопуцьковский. Занимаюсь и устраиваю его по новой методе, слышанной мною от одного проезжего на пути, когда я вояжировал в Воронеж. Метода очень хороша, но я ее не понял и часто сбиваюсь.

Шпак. Как велик доход вы получаете?

Опецковский. О! Тимофей Кондратьевич имеет отлично устроенное хозяйство, так что, в рассуждении реставрации, применяя состояние нынешнее европейской политики, то я... когда-нибудь яснее вам объясню.

Лопуцьковский. Одобренный лестными отзывами почтенных соседей, я хочу упрочить свое состояние в собственный свой род и для того хочу последовать великому закону священной природы...

Шпак. Какое ж ваше намерение, если можно открыть?

Лопуцьковский. О, конечно, можно и даже должно. Намерение мое есть... то есть... последовать природе... которая сама живет...

Опецковский. Дозвольте мне войти в довольно затруднительное ваше положение и объяснить все дело. Когда в европейской политике, в рассуждении реставрации, замечена была шаткость, тогда в английском парламенте не помню какой-то лорд произнес сильную речь, в которой ясно доказывалось, что... что-то такое... не вспомню предмета речи...

Шпак. Скажите только, в каком номере эта речь напечатана и на какой странице, то я ее тотчас найду и прочту сам. Я охотнее читаю, нежели слушаю.

Лопуцьковский. Но, кажется, вы отстали от материи, к невыгоде моей.

Опецковский. Я совсем не отстал, а только сделал маленький приступ, как и должно в каждом политическом предмете, потому что, в рассуждении реставрации, не будет тогда политического равновесия.

Лопуцьковский. Я вас прошу обоих поспешить моим делом: вас пересказать, а вас выслушать и скорее согласиться на мое желание.

Опецковский. Кажется, я довольно объяснил.

Шпак. Как яснее не можно: я все понял.

Лопуцьковский. Следовательно, что же я услышу?

Шпак. С моей стороны, я не могу ничего решительного сказать. Каждый человек имеет свое правило; мое такое: все дела должно делать в последующем порядке; теперь я читаю газеты за весь прошедший год и ничем посторонним не занимаюсь; окончив их, я займусь вашим предложением.

Лопуцьковский. Мы, вояжеры, любим во всем спешить, дабы выиграть время, потому что на опыте известно,— время всего дороже, и потому я просил бы поспешить и в решении моей участи...

Шпак. Вот идет жена моя; мне нужно знать ее мнение.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Фенна Степановна и Аграфена Семеновна.

Шпак. Время прекрасное! Вы очень хорошо вздумали, что вышли погулять в сад.

Аграфена Семеновна. У нас в Петербурге в это время обыкновенно прогуливаются... Но это не Летний сад!.. Ах, какая разница!.. (Отводя мужа, говорит ему тихо.) Я замучена, мой друг! Вообрази, что хозяйка меня и теперь так же называет, как до моей поездки в Петербург: Горпинка! Ах, какая малороссиянка!

Опецковский. Но... обращаясь к европейской политике, мы находим, что англичане — впрочем, народ коммерческий — в рассуждении реставрации, весьма часто даже и королей своих зовут полуименем.

Фенна Степановна (между тем говорившая тихо с своим мужем). Помилуйте меня, Кирило Петрович! Я вам не наудивляюсь! И хотя вы меня сейчас убейте, так я не возьму в толк, как можно человеку с вашим умом не обсудить, что замужеством дочери должно спешить? Разве хотите, чтобы мы век плакали? С чего вам вздумалось откладывать? Это бог знает что!

Шпак. Но я думал, что для приличия...

Фенна Степановна. Какие тут приличия, бог с вами! Одумайтесь или лучше никогда ни о чем не думайте; а то как станете обдумывать, так и испортите все дело. Это уже не впервое! Следуйте лучше своему благоразумию, да вспомните и себя: с первого вашего слова батюшка и по рукам ударил.

Шпак. Так хорошо же, я его сведу с Присинькою, пусть они объяснятся, как, помните, и мы с вами, маточка?

Фенна Степановна. Да, это недурно! Одним словом, действуйте по вашему рассудку.

Аграфена Семеновна. Кирило Петрович! у вас, кроме этого сада, нет ничего более для гулянья?

Фенна Степановна. Как нет? А помнишь, Горпинка, пасеку, где мы с тобой, еще как девками были, в бочечке качалися?

Аграфена Семеновна. Чрез столько лет, кажется, можно все забыть. У нас в Петербурге напротив: сколько мест, садов, островов, где можно прогуливаться!

Лопуцьковский. Когда я в 32-м году вояжировал из Чернигова в Воронеж, то на дороге однажды, любуясь природою, нашел одно место для гулянья восхитительное,— феникс, настоящий земной рай!

Аграфена Семеновна. Но, верно, все не то, что у нас в Петербурге Невский проспект! Ах, Невский проспект!.. Я здесь даже подобного ничего не вижу.

Опецковский. Петербург и тем хорош, что у вас вся европейская политика перед глазами. Когда, бывало я, сидя за своим бюро, обсужу, в рассуждении реставрации, положение Европы и потом выйду в кондитерскую, то наперед уже знаю, что написано в газетах и журналах,

Аграфена Семеновна. Апрапо,10 Фенна Степановна! Вы получаете какие журналы?

Фенна Степановна. Не знаю, душечка Горпинка. Я по экономии ничего не знаю: где мене, бабе, в это вмешиваться,— всем заведывает муж.

Шпак. Я получаю только "Московские ведомости" и читаю их по прошествии года, за один раз. Журналов же не могу читать; там вечно: продолжение впредь — и жди конца целый месяц.

Аграфена Семеновна. Ах, как можно не читать журналов! Из них бы вы узнали, что уже строжайше запрещено говорить и писать: "сей" и "оный" и что даже и друзей нельзя называть полуименем. (Тихо мужу.) Каково?

Опецковский. Хоть бы в английском парламенте.

Аграфена Семеновна. Как вы об этом думаете, Фенна Степановна?

Фенна Степановна. Я думаю, душечка Горпинка, что как-то умудряется свет! Все больше и больше, так что и господи!

Аграфена Семеновна (в сторону). Она и в Петербурге не образовалась бы.

Лопуцьковский. Когда я вояжировал в Воронеж, то придумал, что мы напрасно зовем себя по имени и отечеству: ямщики зовут друг друга полуименем и не встречают замешательства.

Опецковский. Европа, в рассуждении реставрации, вся зовет себя только по фамилии.

Аграфена Семеновна. Но мы, мой друг, благодаря бога, живем не в Европе.

Опецковский. О, конечно! У нас вежливость совсем на другой степени. В последний раз бытности моей в Петербурге...

Шпак. Разве вы не в первый раз нынче были в Санкт-Петербурге?

Опецковский. Н-н-нет, но... когда я теперь, то есть в последний раз, был в Петербурге, то похвалюсь вам насчет вежливого со мною всех обращения. Даже при знакомстве моем с господами министрами...

Шпак. Так вы познакомились и с господами министрами? Что, каково их обращение с нами, провинциалами?

Опецковский. О, превежливое, преласковое! Бывать я у них, правда, не бывал, но, встречаясь с ними, свидетельствовал им свое почтение уважительным, со снятием шляпы, поклоном. То, верите ли вы, Кирило Петрович, они мне всегда вежливо откланивались, даже и не зная вовсе, кто я.

Фенна Степановна (мужу). Знаете, душечка, что? Чем нам тут стоять и ничем не заниматься, так не приказать ли сюда, для ради скуки, подать чего-нибудь закусить? Яишницу, творогу со сметаною, цыплят жареных, грибков на сковороде да еще чего-нибудь.

Аграфена Семеновна. Ах, моя милая Фенна Степановна! Еще часу нет, как мы отобедали. Как это можно?

Фенна Степановна. И, душечка Горпинка, что за счеты! У нас в деревне все свое, не купленное. Прикажете? тотчас изготовят; у меня кухарка проворная, и горяченькое подадут. Так, перекусить пока, до полдника.

Аграфена Семеновна. Фи, как это можно! У нас в Петербурге даже и не ужинают. Вот идут к нам девицы, компания наша умножится, да и Тимофею Кондратьевичу будет повеселее.

Лопуцьковский. Мы, вояжеры, должны привыкать к одиночеству. Во время моего вояжа в Воронеж я и один не скучал... Правда, я тогда не был влюблен. (Вздыхает.)

Аграфена Семеновна. А теперь?

Лопуцьковский. Ш-ш-ш-ш.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Присинька и Эвжени.

Эвжени. Вот где наши машермеры! Мы вас, машермер, искали по всему саду.

Аграфена Семеновна. А мы сюда прямо вышли из дому.

Эвжени. Ах, машермер, сколько здесь прелестных видов! Мы с машер Присинькою нашли одно преромантическое место, тре сюперб!11 В одном романе я читала описание точнехонько этого места.

Аграфена Семеновна. Какие здесь могут быть романтические места! Посмотрела бы ты в Петербурге: там у нас на каждой улице везде встретишь роман.

Фенна Степановна. Надо думать, что это имя модное, когда везде встречаются.

Аграфена Семеновна. Ах, нет, нет, не то... (В сторону.) Я с ней теряю всякое терпение!.. (Дочери.) У нас в Петербурге один Невский проспект стоит лучшего романа в четырех частях. Здесь ты подобного никогда не увидишь!

Эвжени. Пуркуа12 же вы меня не взяли с собою?

Аграфена Семеновна. Ты прошлого года была еще так мала, а туда детей не возят.

Шпак (поговорив тихо с женою, Опецковскому). Я нахожу приличным оставить здесь молодых людей изъясниться между собою. Предложите вашей супруге и дочери идти гулять, а вам не угодно ли со мною посмотреть мои овчарни?

Опецковский. Потрудитесь, Фенна Степановна, похвастать моей жене вашим птичьим двором, где кормятся эти жирные гуси, которыми вы нас за обедом обкормили. А мы с Кирилом Петровичем взглянем на его гишпанских овец, и я тут же, к речи, докажу ему, что, в рассуждении реставрации, действия карлистов правильнее, чем христиносов.

Шпак. Последствия покажут, что христиносы в военных действиях искуснее карлистов.

Между тем оба уходят.

Аграфена Семеновна. А вы, молодой человек, останьтесь при девицах и оберегайте их от всех неприятностей. (Лопуцьковскому тихо.) Мы вас нарочно оставляем, даем вам случай объясниться. (Дочери тихо.) Побудь с ними немного и оставь их одних. (Фенне Степановне.) Ну, моя милая Фенна Степановна, ведите меня, куда вам угодно.

Фенна Степановна. Я вас сначала поведу, где у меня доят коров, а там — где запирают телят; потом осмотрим кур, гусей, уток, наседок, цыплят... (Уходят.)

Лопуцьковский громко вздыхает.

Эвжени. О чем вы, Тимофей Кондратьевич, вздыхаете или о ком?

Лопуцьковский. Ни о ком и ни о чем... Мне ужас как жарко!

Присинька. Так не угодно ли вам идти в комнату отдохнуть?

Эвжени. О, нет, нет, не уходите! Я знаю, ву земе дю флер,13 я сейчас нарву вам отличных. Ресте юн пе иси.14 (Присиньке.) Экспре.15

Присинька. Пойдем, вместе нарвем.

Эвжени. Нет, машер Присинька, ты побудь с моншером, кузеном, я мигом ворочусь! (Ей, тихо.) Моя машермер приказала мне оставить вас одних. (Попевая, убегает.)

Присинька (в сторону). Что это такое? Не для объяснений ли меня с ним оставили?

Лопуцьковский (в сторону). Итак, мне должно объясняться в любви. Попробуем! (Кашляет.) Позвольте вас обеспокоить вопросом: изволили вы быть в Воронеже?..

Присинька. Нет-с.

Лопуцьковський (подходя ближе). А... изволили ли быть в Чернигове?

Присинька. Нет-с.

Лопуцьковский. А я и там был... (В сторону.) Что же мне теперь говорить? Так вы, стало, нигде, не изволили быть?

Присинька. Нигде.

Лопуцьковский. Это прелесть, удивительно!.. А... не изволите ли желать проездиться... туда... или оттуда?

Присинька. Нет, не желаю...

Лопуцьковский. Так... может быть... чего другого желаете?

Присинька. Ничего не желаю.

Лопуцьковский (в сторону). Отрежу прямо, да и конец. (Ей.) Позвольте вас спросить: не изволите ли желать выйти замуж?

Присинька. Также нет.

Лопуцьковский. А... если бы... за... за меня?

Присинька. Также нет.

Лопуцьковский. А... если бы я был в вас... влюблен?

Присинька. Все также нет.

Лопуцьковский. Как же это?.. А родители ваши сказали мне, что вы пойдете.

Присинька. Родители могут мне приказывать, но я буду плакать и молить, чтобы не губили меня и не делали несчастною.

Лопуцьковский. Да нечто я тиран или не хорош собой, что вы за мною должны быть несчастною? Это ужасно слышать!

Присинька. Не найду счастья, а этого уже много!

Лопуцьковский. А почему же не найдете? Я вам доставлю все: поедем вояжировать в Воронеж...

Присинька. Позвольте мне так же прямо отвечать, как вы меня спрашиваете: вы мне... не нравитесь.

Лопуцьковский. Это, кажется, наотрез.

Присинька. Прошу не сердиться за мою искренность.

Лопуцьковский. Как не сердиться? Надо треснуть от досады! Это отказ, отказ! (В сторону.) И уже пятнадцатая невеста отказала. Это прелесть как досадно! Пойду думать, что мне в таком положении делать. (Присиньке.) Прощай, непреклонная, навеки! (Уходит.)

Присинька (одна). Что-то мне будет теперь? Хоть что хотят, а не пойду за него и ни за кого, если не за моего милого Ваню... Ума не приложу, что мне, бедной, делать?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Присинька и Эвжени.

Эвжени. А что, машер Присинька, где же твой жених?

Присинька. Какой жених?

Эвжени. Мой, моншер, кузен. Он, видно, без объяснения ушел, оробел?

Присинька. Нет, он все проговорил.

Эвжени. Что же ты ему отвечала?

Присинька. То, что чувствовала.

Эвжени. И, верно, отказала?

Присинька. Кажется.

Эвжени. Ах, какая же ты, машер! Пуркуа ты это сделала? Твоя машермер будет сердиться.

Присинька. Она этого ожидает. Известна причина почему я за него не иду.

Эвжени. А, верно, ты, машер, юн пе амуре? Комса?16 Ах, открой мне свою тайну!

Присинька. Это уже не тайна, многие знают...

Эвжени. Не заседатель ли, что к нам ездит? Так ты мне риваль!17

Присинька. Будь покойна! Капитан Скворцов...

Эвжени. Вот что у вас стоит? А каков он собою?

Присинька. Отличный, примерный из молодых людей! И как он любит меня, и как я...

Эвжени. Как досадно, что у нас в деревне не стоят военные! И он уже открылся тебе?

Присинька. И просил руки моей, но ему отказали,

Эвжени. Почему?

Присинька. Потому, что он беден.

Эвжени. Что же вы предпринимаете?

Присинька. Умереть, но не изменить друг другу. Конечно, он упрашивает меня бежать, но я на это никогда не решусь.

Эвжени. Ах, машер Присинька, почему же не согласиться? Ком се жоли:18 выходишь скрытно от всех, чрез сад, луна освещает твой путь, ты дрожищь, пугаешься всего; он выскакивает из-за дерева, ты падаешь в обморок и на его руки, он тебя, бесчувственную, несет, сажает в коляску, вы скачете, венчаетесь... Ах, как это весело! Я тебе даю мон пароль,19 что если мне кто предложит бежать — я тотчас соглашусь и уйду.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Аграфена Семеновна.

Аграфена Семеновна. Уф!.. Задыхаюсь совсем! Ну, на что это похоже, в самый жар ходить так долго! Ничего не осталось, что бы мы не пересмотрели: и кур, и наседок, и все это в ужасном одно от другого расстоянии. Нет, у нас в Петербурге этим не занимаются. Теперь пошла еще смотреть своих утят, но я уже не могла идти за нею, хотя говорит, — там большая тень и можно бы отдохнуть.

Присинька. Маменька моя большая охотница до всего этого, и у нее все в порядке.

Аграфена Семеновна. И пусть будет в порядке, но зачем же мучить других, водя так далеко и показывая всю эту гадость? Апрапо! Объяснялся ли с вами Тимофей Кондратьевич и какой ответ получил?

Эвжени. Имажине, машермер,20 что моя машер Присинька не может выйти за моего кузена; но она имеет к тому сильную причину.

Аграфена Семеновна. А, это, верно, особенная любовь? Понимаю! У нас в Петербурге каждая хорошо воспитанная девица или замужняя дама имеет особенную любовь. В обществе, к которому я в Петербурге принадлежала, это вообще принято.

Эвжени. Ах, моя милая машермер! Уговорите ее, машермер, чтобы она не разлучала двух страстно любящих сердец, и пуркуа бы их не соединить?

Аграфена Семеновна. Но кто же это такой, кого она любит? Не предосудительно ли будет? Правда, и это нынче в употреблении.

Присинька. О, нет, нет! Я никогда не забуду, чем я обязана себе и родителям.

Эвжени. Я б вам в коротких словах все рассказала, но вот идут наши моншерперы,21 а при них нельзя.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Опецковский и Шпак.

Шпак. Воля ваша, Осип Прокопович, из чего вы это все заключаете? Министры королевы Христины все преумные люди. Я из прошлогодних газет видел, что они очень наблюдают ее пользы.

Опецковский. Из прошлогодних газет! А вы того не знаете, Кирило Петрович, что все эти умные министры суть карикатуры дон… то есть… креатуры дон Карлоса, и они запутывают королеву; это я, сидя за моим бюро, ясно вижу.. Я удивляюсь вам, как можно читать газеты через год; и неделю не читавши, тотчас, в рассуждении реставрации, упустишь нить европейской политики. Стало быть, вам неизвестно, что король греческий женился и на ком?

Шпак. Женился ли или нет, не знаю, но знаю наверное, на ком он женится.

Опецковский. А на ком бы, по вашему мнению?

Шпак. Скажу и не ошибусь: на дочери турецкого султана.

Опецковский. Это же отчего, Кирило Петрович?

Шпак. Он человек умный, Осип Прокопович: он разочтет, что сим способом соединит две враждующие державы: тут же христианство... И все-таки очень выгодно.

Опецковский. Как вы всегда смешно судите, Кирило Петрович!

Шпак. Пусть и смешно, Осип Прокопович, но не глупо, как…

Опецковский. Как кто, Кирило Петрович? Не как я ли?

Шпак. Сами догадались.

Опецковский. Вот вы опять на ссору. Женитьба короля греческого, в рассуждении реставрации, дело не бездельное, и об ней нельзя судить так легко, как вы судите. Позвольте мне эту часть разуметь больше, потому что я, сидя за своим бюро, ясно вижу, что торговые сношения с Европою... то есть... в рассуждении реставрации... как бы вам сказать... по равновесию Европы... нужно знать последствия переговоров…

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Лопуцьковский.

Лопуцьковский. Последствия переговоров самые неприятные.

Опецковский. Как и отчего?

Лопуцьковский. Потому что кто никуда не вояжировал, тот смотрит на нас…

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Фена Степановна.

Фена Степановна (еще на кулисами кричит). Ой... ой... помогите!.. ратуйте!.. кто в бога верует!.. Защитите! (Выходит на сцену бледная, испуганная.)

Муж и дочь бросаются к ней.

Присинька. Маменька, что с вами?

Шпак. Что с вами, моя Фенночка?

Фенна Степановна. Ох!.. насилу жива!

Аграфена Семеновна. Это истерика. Скорее гофманских капель, перья... У нас в Петербурге этим помогают в истерике...

Фенна Степановна. Какая к черту истерика. Я ее от роду не знала и понятия не имею... Пришлось было в обморок падать, да не знала, как люди падают, хоть убей, не знала и не видела ни на ком обморока, так я скорее сюда побежала... Ох!

Шпак. Да отчего же вы, маточка, располагали было в обморок упасть?

Фенна Степановна. Ох, душечка Кирило Петрович! Вы непременно должны вызвать капитана на поединок....

Шпак. Я?.. Его на поединок?.. Что вам, маточка, что вздумалось посягать на жизнь мою?

Фенна Степановна. Чтоб отомстить за мою и за вашу честь... Вызовите его, душечка, непременно; а чтоб он вас не убил, так вы нарочито спрячьтесь подалее, а людей там на месте поставьте; он

только что придет, а они чтоб выскочили и чтоб порядочно его приколотили.

Шпак. Да за что же?.. Я все ничего не знаю.

Фенна Степановна. Ох, какие вы, душечка, непонятные! Он обидел мою и вашу честь...

Шпак. Как это? Расскажите, когда можно.

Фенна Степановна. А вот как, просто, как обыкновенно обижают честь. Я пошла посмотреть утенков на пруде, а там такая тень от густых деревьев, что с трудом можно разглядеть... Вот я ничего не видала, хоть сейчас убейте меня, никого формально не видела, и только что переложила руку чрез плетень, чтоб оттуда отпереть калитку, как вдруг капитан...

Присинька. Ах!

Шпак. Нуте, капитан... и что он?

Фенна Степановна. Сидел за плетнем в кустах и через плетень схватил...

Шпак. Нуте, нуте!

Фенна Степановна. Схватил меня за руку и начал страстно целовать, потом...

Шпак. Потом? Нуте, маточка, уж дорезывайте!..

Фенна Степановна. Ох!., язык не поворотится договаривать! Вообразите, душечка, из-за плетня целует мою руку и потом... тьфу!..

начал говорить мне любовные речи и так сладко, улещал меня, чтобы я с ним бежала...

Шпак. Вы же, маточка, что на это?

Фенна Степановна. Сами можете посудить, каково мне было все это слушать. Благодаря бога, во весь мой век никто не объявлял мне любви, и в двадцать лет нашей супружеской жизни никто меня не привлекал к неверности мужу, а тут такой молокосос вздумал!

Эвжени (тихо Присиньке). Верно, машер, это у тебя с ним назначено было свидание?

Присинька. Ах, так точно! Он меня убеждал прийти к пруду, но я все не решалась.

Шпак. Что же вы, маточка, сделали, как выслушали его любовные речи?

Фенна Степановна. У меня так и захватило дух...

Эжени. Это обыкновенно бывает, когда слушаешь объяснение любви.

Фенна Степановна. Не могу кричать; он держит руку, не могу калитки отпереть; наконец, как-то собралась с силою, руку вырвала, калитку отперла, крикнула и бросилась к нему с кулаками. Он тут, как увидел уже меня, как закричит: ах, как я ошибся! — и бросился...

Аграфена Семеновна. Видно, знает свет. У нас в Петербурге в подобных случаях всегда так изворачиваются.

Шпак. На кого же он, маточка, потом бросился?

Фенна Степановна. Бросился бежать, да не попал по дорожке, а прыгнул в пруд и как раз по этое время (указывает по грудь). Я так и обмерла!

Шпак. Отчего же вы, маточка, обмерли: от испугу или от жалости?

Фенна Степановна. И от испугу, и от жалости-таки.

Шпак. И от жалости? Вот что!

Фенна Степановна. Ах, боже мой, Кирило Петрович! Не подумайте чего худого. Жалость по человечеству и ничего больше, хоть сейчас убейте, больше ничего. Я уж его и не видала, начала кричать не своим голосом и бросилась к вам.

Опецковский. Сравнивая теперешнее происшествие с ходом европейской политики, я нахожу, что подобный изворот не новый. Когда английский министр Питт22 вздумал, в рассуждении реставрации, в... в... вот не вспомню, в котором это году... Тимофей Кондратьевич! Вы помните, в котором это году?

Лопуцьковский. Это было в 32-м году, что я вояжировал из Чернигова в Воронеж и обратно...

Шпак. Я теперь понял, как это произошло! Тут есть ошибка. Капитан, условясь в свидании и ожидай его, чуть увидел из-за плетня вашу ручку, Фенночка, то и счел ее за Присину, с которою у него, должен вам открыть, большие лады.

Аграфена Семеновна. А-а, так вот что!

Фенна Степановна. Образумьтесь, Кирило Петрович, что вы? Я не наудивляюсь, как можно с вашим умом так часто и легко ошибаться? Возможно ли, чтобы капитан не различил моей руки с Присиною? Нет,

это его умысел на честь мою. Когда ему в Присе отказали, так он, видно, в меня влюбился.

Шпак. Говорите вы, маточка, что хотите, а оно точно так, как я говорю. Наконец, чтобы пресечь все это, я принял твердое намерение успокоить нас, а тебя, Присинька, проучить. Сего же дня сговариваю тебя с Тимофеем Кондратьевичем, а вас прошу вечером на сговор. Сейчас зазываю всех соседей. Конец делу, и капитан останется в дураках!

Присинька. О боже, что я слышу!

Лопуцьковский. Ах, как я счастлив буду! Тогда могу вояжировать вдвоем еще далее Воронежа.

Аграфена Семеновна. Прекрасно вздумано. Ужо ввечеру вы увидите на мне платье самой последней моды,— сущий антик!

Эвжеии (Присиньке). Не грусти так, моя машер Присинька! Разве это не великое утешение, что ты будешь замужем? Я, на твоем месте, все бы пела и скакала.

Опецковский. В рассуждении реставрации, эта мера весьма близка к той, которую иногда английские министры предпринимают...

Шпак. Вы, маточка, что так задумалися? Согласны ли на мой план?

Фенна Степановна. Выдумка ваша не глупо вздумана, только жаль, что я прежде этого не знала и не распорядилась с ужином... А гостей таки много будет, надо их принять и угостить... Так я это и думаю об ужине.

Присинька. Батенька и маменька! сделайте милость, не губите меня, не выдавайте за Тимофея Кондратьевича!Я не пойду за капитана, когда он вам не угоден, да и ни за кого. Отпустите меня в монастырь!

Лопуцьковский. Я не придумаю, отчего я вам так противен!

Фенна Степановна. С чего ты это вздумала отказываться, когда я уже все блюда к ужину придумала?

Шпак. Не бывать этому, вздор! Честь моя требует решительной меры. В самом деле, не на дуэль же мне с этим сорвиголовою выходить! Отдам тебя другому, а капитан хоть волком вой. Теперь не угодно ли в дом к чаю, а потом, когда прочие гости подъедут,— тогда и сговор, и в саду танцы и гулянье.

Аграфена Семеновна. У нас в Петербурге все такие случаи обыкновенно происходят в саду. Пойти к туалету. (Берет мужа и уходит.)

Присинька. Что я должна делать, несчастная!

Эвжени. Чудно! Идет замуж и горюет!

Обе идут к дому.

Лопуцьковский. По праву жениха я должен находиться при невесте неотлучно. (Идет за ними.)

Шпак. Теперь пойду писать зазывные письма, пошлю за музыкантами и займусь иллюминациею в саду. (Идет к дому.)

Фенна Степановна. Не оставляйте же меня, душечка, одной. Того и смотри, что капитан, увидевши меня одну, выскочит из-за кустов с

своею любовию. Долго ли до беды? Пропала тогда с душой и телом. (Спешит за мужем.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Скворцов и Шельменко выходят с разных сторон.

Скворцов. Где ты это пропадаешь? Я тебя жду больше часа. Успел ли что проведать?

Шельменко. Усьо узнав, ваше благородіє! Усьо благополучно і усьо гаразд.

Скворцов. Что же ты узнал?

Шельменко. Панночка плаче, мов на потоках вода біжить.

Скворцов. Что же тут хорошего? Чего же она плачет?

Шельменко. Сьогодні увечері її просватають за того поганого панича.

Скворцов. Пропали все мои надежды!.. Но бедная Присинька плачет, видно, чувствует свое несчастье и решительно не хочет за него.

Шельменко. Аж труситься, ваше благородіє, та, будучи, рішительно жала...

Скворцов. Что слышу!.. Ожидал ли я от нее такой перемены?.. Но кто тебе сказал, что она охотно идет за другого, и отчего же она плачет?

Шельменко. Мені ніхто нічого не казав, затим що я нікого, не бачив.

Скворцов. С чего же ты взял, что она охотно идет?

Шельменко. Вістимо, ваше благородіє. Яка б то дівка щоб заміж не хотіла? А коли хоче, так, стало бить, буде плакати. Нехай же не заплаче, то мати зараз їй потилицю натовче. Так от я собі, будучи, догадався: як чути, що увечері сватання, а дівка, вістимо, що хоче, так і приходиться їй плакати; так, теє-то, і відлепортував, будучи, вашому благородію!

Скворцов. Так это только твои глупые догадки; но что рассказывают люди?

Шельменко. Нічогісінько не розказують.

Скворцов. Ты, верно, не заводил с ними об этом материи?

Шельменко. Де-то вже не заводив, ваше, благородієї Казав і про матерії, і про кожухи, було там і про вівці, і про панночку, загинав і про бджоли, так ніхто нічичирк! Усі жахаються від нас.

Скворцов. Ты же имел там какую-то любезную? Она должна бы тебе все передавать.

Шельменко. А, щоб та любезна сказилась! Знаєте що, ваше благородіє? Той жених, та, будучи, собі багатий; так і хлопці його, трясця їм, мають дещо, так до моєї Мотрі та, теє-то, і підсипали то мочених кисличок, то горіхів, так вона до них і розпадається, а мені, як нічим її піддоб-рити, так будучи, плює. Коли б ваше благородіє, будучи, пожалували красну бамажку, абощо,— так, для усякого розходу, то, може б, вона і подобрішала.

Скворцов. Вздор, пустяки! Можно и без того обойтись.

Шельменко. Я ще, ваше благородіє, як ще, будучи (вздыхает), служив у земському суді, так чував і від членів, та і від самого сееклетаря, що буцімто суха ложка рот дере.

Скворцов. Перестань об этом, а придумай, что мне делать, пока есть возможность не допустить Лопуцьковского владеть моею Присею.

Шельменко (размышляя). Придумати? Що б то придумати? Дій його честі!.. Е, знаєте що, ваше благородіє? Ось тут у садку, увечері, вони зап’ють сватання. Там такий бенкет буде, що гай-гай! Птицю патрають, локшину кришуть, каганці готують, щоб по садку скрізь видко було. Так ви прикажіть Усачову, будучи, запрягти нашу бричку, та й нехай дожида біля греблі, а ми тут між кущами попрісідаємо. Як вони розгуляються, та ще, може, підуть у проходку по саду, а ми тут панночку хап, та до брички, та навтікача до шлюбу... І усе, теє-то, прочее. Нехай собі, будучи, об поли руками б’ються, а завтра, нічого робити, сами зап’ють весілля. Ось зробим лишень так, то й буде гаразд.

Скворцов. Я решусь и на эту крайность. Останься здесь,— к тебе Шпак имеет доверенность и не будет подозревать тебя. Ты же проворь как можно: предвари Присиньку, чтобы она ничего не страшилась, и, заговорив ее, доведи ее скрытно от всех до той яблони; я вас буду там ожидать. Ах, Шельменко! Если ты успеешь, то я не знаю, чем тебе благодарить. Все для тебя сделаю!

Шельменко. Мені вже, ваше благородіє, коли вже кажете, що отставки дати не можна, так держіть мене при собі. Я вже від вас нікуди не піду.

Скворцов. Ни в чем тебе не откажу, если достигну своего благополучия. Смотри же, действуй умно и осторожно! (Уходит).

На театре темнеет.

Шельменко (один). Дівствуй!.. Провор!.. Добре вам приказовати! Коли б вас заставити дівствовати, ви б не те сказали! А тут вже, звісно, Шельменкові біда. Коли не відсіль, так відтіль... Дивись! Біжать сюди мої голубочки! Засяду та, поки капітан, послухаю, що вони пащекуватимуть. (Прячется в кусты.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Присинька, Эвжени и Шельменко, спрятавшийся.

Эвжени. Сделай милость, машер Присинька, не заходи далеко. Твоя машермер приказала тебе одеваться к сговору, а ты побежала сюда. Как она узнает, так достанется тебе.

Присинька. Дай мне в последний раз взглянуть на те места, где я с ним вместе гуляла, говорила с ним о нашей любви, слушала клятвы его... Милая Эвжени! пойдем к пруду, не дожидает ли он там меня? Я хочу с ним проститься, как долг велит, в последний раз.

Эвжени. О, к пруду уже же вуз асюр,23 что не пущу. Ву конесе24 свою машермер: она будет крепко сердиться. Чрез несколько дней ты будешь замужем, свободна, тогда никто тебе не запретит с ним видеться... Ах, как ты счастлива!

Присинька. Могу ли быть счастлива с тем, кого не люблю?

Эвжени. Ме кескесе,25 что не любишь? А все-таки будешь замужем. Лишь бы вырваться замуж, а любовь последнее дело; есть ли она между супругами, или нет, сет-эгаль!26 И без любви можно славно жить.

Присинька. Я никогда не забуду моего Вани!

Эвжени. Пуркуа и забывать? Вышедши замуж, пользуйся свободою, наряжайся, разъезжай, веселись; а ветретилася с прежним дружком,

Ванею, вспомни прежнее и полюбися с ним опять немного. Ах, как бы я умела жить!

Шельменко (в сторону). От добра! Що, якби її воля?

Присинька. Как ты мне советуешь, милая Эвжени? Я хочу еще в последний раз просить батеньку и маменьку, чтобы не отдавали меня за этого несносного Лопуцьковского.

Эвжени. Пуркуа-бо он тебе не нравится?

Присинька. Скажи лучше, что в нем может нравиться? Не умеет ни ходить, ни сидеть, и как одет! Ни о чем не может говорить, как только, что он вояжировал в Воронеж. С ним стыдно будет и в люди показаться!

Эжени. А какая тебе до него нужда? Ты, выйдя муж, будешь жить сама для себя. Ах, как я тебе завидую! Черт знает, когда я дождусь к себе жениха! Какой первый случится, за того и пойду. Же ву при27 тебя, машер, не упрямься, выходи скорее.

Присинька. Если просьбы ничего не помогут и меня будут насильно выдавать, то я и при сговоре, и при венце буду кричать, что я не хочу за Лопуцьковского. Если не за Скворцова, то и ни за кого не хочу.

Эвжени. За него же тебя не отдают. Ну, анфень,28 уйди с ним.

Шельменко (в сторону). Оце розумне слово сказала.

Присинька. Ни за что на свете не сделаю этого! Я очень много чувствую, понимаю, но не умею выразить, что нехорошо идти против воли родителей во всяком случае, а особливо в таком важном.

Эвжени. Ну, так я тебя не понимаю: уходить не хочешь и замуж идти не хочешь, потому что жаль оставить своего милого дружка. Брось его, забудь, когда уже нельзя быть за ним.

Шельменко (в сторону). А щоб ти на сім слові подавилася!

Присинька. Жаль мне, что не могу высказать тебе всего, как я понимаю о всех твоих предложениях и почему они нейдут ни мне, ни всякой девице. Ты больше моего училась в пансионе и больше знаешь; но я, как не ученая, может быть, и ошибаюсь, но вижу, что ты как-то не так говоришь, как должно.

Шельменко (в сторону, разглядывая). Ген-ген і капітан. Давай його сюди! (Уходит.)

Эвжени. Я говорю то, что слышала от других и сходно с моими чувствами, и ву вере,29 что я таки урвусь замуж, буду жить по своей воле и буду счастлива... А ты просидишь целый век в девках, разве помрут твои родители или образумишься и уйдешь с своим Ванею.

Присинька. Не накажи меня бог первым, а на последнее, против их воли, я никогда не решусь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же. Скворцов и Шельменко.

Скворцов (бросаясь к Присиньке). Наконец, обожаемая Присинька, имею неизъяснимое наслаждение видеть тебя, говорить с тобою, целовать твою милую ручку!.. Но зачем ее отнимаешь? Это, верно, друг твой и ей известна взаимная наша любовь?..

Присинька. Я не могу уже быть вашею; следовательно...

Эвжени (будто в сторону, но старается, чтобы ее слышали). Ил е тре боку агреабль, ил е бон![30]

Присинька. Оставьте меня, забудьте меня, Иван Семенович... Будьте счастливы!..

Скворцов. Могу ли быть счастлив без тебя? Ты знаешь, как я люблю?

Эвжени. Мой совет: не идти ей против воли своих моншерпера и машермеры и согласиться на выбор их...

Скворцов. А мне умереть?

Эвжени. Пуркуа же умирать? Вы изберите себе подругу, которая бы вас также любила...

Шельменко (в сторону). На догад буряків... Гм.

Эвжени. Имела бы достоинства...

Шельменко (в сторону). Так ти-бо не така багата.

Скворцов. Может ли другая заменить ее в моем сердце?

Эвжени. Ожурдви паз анкор, и демен[31] все уладится.

Скворцов. Не могу ничего понять! Одно средство быть нам счастливыми, и я умоляю тебя согласиться на него...

Эвжени. Какое же это?

Скворцов. Ехать со мною в ближнюю деревню, где у меня все улажено, и мы чрез час возвратимся супругами!.. Умоляю тебя, друг мой, решись!..

Присинька. Ах, не напоминай мне об этом!

Эвжени. Да, и это довольно романически. Соглашен, моя эмабль32 Присинька! Это приключение наделает много шуму и на долгое время займет всех...

Присинька. И навлечет на меня проклятие родителей!

Эвжени. Поклянут, поклянут, да как нечем будет переменить, так и простят поневоле: ведь ты у них одна.

Присинька. Потому-то и должна их радовать, а не наносить им огорчений...

Скворцов. Конечно, в первом гневе они будут неумолимы; но беспрестанные искания наши, просьбы, слезы... Притом же, когда увидят, что мы, страстно любя друг друга, скорбим о их гневе, то, наверное, смягчатся и возвратят любовь свою...

Присинька. А до того что со мною будет? Я умру, видя их гнев!..

Эвжени. Боку33 пустяков, и больше ничего, моя ма-бель34 Присинька! Ты таки уйди, и ты будешь счастлива с таким жоли офисье.35 Не смотрите на нее, мосье ле капитан! Когда у вас все готово, ведите ее к коляске; я ее провожу...

Скворцов. В горестном моем положении я должен решиться на эту крайность. Пойдем, обожаемая При-синька!

Присинька. Нет... нет... ни за что!

Скворцов. Чрез несколько минут мы будем навек разлучены. Ты будешь невестою другого и услышишь о смерти моей!

Присинька. Боже, что мне делать в такой крайности! Я умру, если навлеку гнев родителей... Умру, если лишуся тебя... Ах, на что мне решиться? Нас остановят... Меня возьмут... и... я погибла!

Эвжени. Ничего, машер, не бойся! Никто не увидит и не узнает; я запрусь в твоей комнате и же дире,36 что тебя убираю к сговору... Идите же скорее, чтобы вам не помешали... Ах, как это интересно, что я участвовала в этой интриге! Вся слава отнесется ко мне!

Она старается вести Присиньку, которая, ломая руки, плачет, противится ей и Скворцову, также ведущему ее. Шельменко суетится около них и, разглядывая везде, знаками убеждает, чтобы спешили. На сцене довольно темно.

Скворцов. Я обязан буду вечною вам благодарностью за участие ваше. Если откроется надобность служить вам при вашем замужестве...

Эвжени. Ах, когда уже это случится! Ведите же ее, мосье офисье, с вашим слугою, а я побегу домой, чтобы не заметили нашего отсутствия. Прощай, машер Присинька! Желаю тебе теперь успеха, а потом благополучия (целует ее). Ах, она без чувств! Моншер офисье, закутайте ее во что-нибудь и ведите хотя против воли.

Скворцов. Шельменко, подай сюда, что там есть.

Шельменко. Та що ж тут є: тільки шинеля та фуражка...

Скворцов. Подай, подай скорее! (Окутывает шинелью бесчувственную Присиньку и надевает на нее фуражку.)

Эвжени. Ах, как она интересна в этом костюме! Точно будто молодой юнкер. Ах, как интересно уходить! Отправляйтесь же, оканчивайте все и спешите обратно. Более двух часов мне нельзя скрываться. О ревоар!37 (Убегает к дому).

Скворцов (Присиньке, лежащей у него на руках без чувств). Друг мой!.. Умоляю тебя, приди в себя... Поспешим, время дорого!

Шельменко (с другой стороны также поддерживает ее). Нуте-бо, панночко, прочуняйте швидше та навтікача!

Присинька. Ни за что на свете!.. Пустите меня...

Скворцов. Уже не можно оставить, дело начато...

Шельменко. Мертвого з гробу не ворочають. Почали, так, будучи, треба діло кінчати. Як закінчаємо, теє-то, зовсім, тогді і пустимо. Нуте ж, ходіть.

Хотят вести ее против воли, вдруг Шельменко в испуге оставляет ее.

Шельменко. От і устереглись!.. От тепер біда! (Мечется во все стороны.)

На сцене совершенно темно.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Скворцов, в большом замешательстве, поддерживает слабую Присиньку. Шельменко, в испуге, бросается во все стороны. Шпак выходит в задумчивости.

Шпак. Терпения не достает, слыша беспрестанные одобрения проклятым карлистам... Что ему сделали хри-стиносы?.. Если бы не сговор дочери, я бы ему напрямки отпел и разорвал бы знакомство. Чтобы избавиться от неприятных его толков, вышел в сад распорядить иллюминацию. Да вот, кажется, и рабочие здесь... (Присматриваясь.) Кто здесь? Потап, это ты?.. Что не отвечаешь?.. Кто здесь? (Идет и, наткнувшись на Шельменко.) Отвечай мне, кто ты? (Держит его.).

Шельменко (крепко испугавшись). Та се... се не я.

Шпак. Да кто ты такой? говори.

Шельменко. Се, мабуть... собака... абощо.

Шпак. А, это Шельменко!.. По твоей шутке узнал тебя.

Шельменко (в сторону). Хороші шутки, що й сам себе не тямлю та дрижаки їм. (Скворцову, тихо.) Не пускайте її; я відбрешусь.

Шпак. С кем это ты здесь?

Шельменко. Та то так; то, будучи, ніхто.

Шпак. Как, никто?.. Вижу, что это человек. Не Мотря ли, а?

Шельменко. Та так... знаєте, тут ми собі... теє-то... собі...

Шпак. Ох, нет, это не Мотря, тут двое... кажется, мужчины... Ах, не капитан ли здесь?.. Ты что-то смешан... Так точно, что-то военное.

Шельменко (все отводя его подалее). Знаєте, ваше благор... чи то пак: ваше високоблагородіє! То прийшли до мене, знаєте, підмовляють мене, будучи, на вечерниці.

Шпак. Что же они за люди?

Шельменко. Та наші-таки, салдати. Ото вищий, будучи, Іван Бойчак, а то другий, теє-то, другий? то Хома Плаксун. Знаєте що, ваше високоблагородіє, ось гримніть на них, щоб вийшли з вашого садка; чого вони тут шляються? йо не йо.

Шпак. И они, а больше ты мне подозрителен с твоим замешательством. Я все думаю, что это капитан.

Шельменко. Та де вам капітан! Він дома і досі хропе на усі заставки.

Шпак. А вот я уверюся. (Подходит к Скворцову.)

Скворцов, видя приближающегося Шпака, заслоняет дрожащую Присиньку, не выпуская ее из рук.

Шельменко (заметив это, бросается между ними и, говоря, удаляет опять Шпака). Та не руште, не руште. Ось ідіть сюди, я вам щось скажу.

Присинька. (тихо Скворцову). Теперь я должна открыться. Батенька подозревает...

Скворцов. Друг мой!.. Еще немного терпения. Он скоро уйдет.

Шельменко (оставив говорить с Шпаком, бросается к ним). Та будьте ласкові, нічичирк! (Сам с собою.) Але не видумаю, як і відбрехатися.

Шпак (схватив его, трясет). Да что ты все юлишь и сюда и туда. Говори мне сейчас: капитан ли это или кто?. Говори, или удушу тебя, бездельник!

Шельменко (дрожа). Так, так... бездільник... будучи, то капітан, тільки пустіть...

Скворцов (тихо). Ах, предатель!

Шпак (продолжая его трясти). С кем он это? Говори,

Шельменко (стараясь, однако ж, не кричать). Ой... ой... ой, лишенько!.. До суду, довіку не буду... Ратуйте, хто в бога вірує... Ой... усю ж правду скажу: то він... він з панянкою...

Скворцов (тихо). Все кончилось... о злодей! (Решается подойти к Шпаку.)

Шпак. Так этакие дела за вами? А? Вот поймай мне капитана, а то кликну людей.

Шельменко (все машет Скворцову, чтобы был покоен). Та не гомоніть-бо, а ось послухайте мене лишень...

Шпак. Тогда выслушаю, когда схватишь капитана, Лови его! (В сторону.) Я и сам бы бросился, но, верно, он при шпаге; боюсь.

Шельменко. Чи знаете ж ви, з якою він панночкою?

Шпак. Как не знать? С моею дочерью.

Шельменко. Еге! так, та, будучи, трошки не так. Адже ви казали, щоб його, теє-то, оженити на дочці вашого сусіди, будучи, пана Тпрунькевича.

Шпак. Ну, так что?

Шельменко. Ну, от я, будучи, і навів діло на лад та й пішов старостою, так де! ні приступу! Так ми що робити: повернувшись, ми оце, будучи, узяли та й вкрали дівку...

Шпак. Неужели? Ай да молодцы! сполать! Так это она с капитаном?

Шельменко. Вона, ваше високоблагородіє! Оце б то, будучи, їхати та вінець приняти...

Шпак. Так за чем же дело стало?

Шельменко. Будучи, пручається, ваше високоблагородіє. Звісно, первина, далі не те буде.

Шпак. Отчего же она не решается?

Шельменко. Бачите, що, каже, без благословенія як я, каже, у вінець уступлю? Ваше високоблагородіє. Осмілюсь просить: будучи, будьте їй як отець і родитель! Благословіть її на вінець з капітаном.

Шпак. С большим удовольствием! (В сторону.) Какой прекрасный случай отомстить моему врагу! (Присиньке.) Послушай меня, сударыня.

Шельменко все между ними и старается, чтобы Шпак не подходил близко к дочери.

Не бойтеся меня! Я знаю о вашем намерении, одобряю его и требую, чтобы вы немедленно ехали с капитаном и скорее бы обвенчалися.

Шельменко. Що то за добродітельний чоловік його високоблагородіє, пан Шпак бунчуковенко.

Скворцов (тихо Присиньке). Неужели ты еще будешь сомневаться? Пойдем скорее, ты получила родительское благословение.

Присинька. Но это все обманом…

Шельменко. Та яким обманом; се справжня правда.

Присинька. Испросите же мне поцеловать руку его!

Шельменко (Шпаку). Бачите, як вона вас шанує. Дайте, каже, ручку свою поціловати. Нуте ж, давайте швиденько. Та здалеку, здалеку; будучи, не злякайте її. А протягніть, кете, до нас вашу милую ручку. (Берет руку Шпака и протягивает ее к Присиньке, которую подводит Скворцов.) Підійдіть, панночко, до пана Шпака та й поцілуйте його у руку, на благословеніє. Що за предобрая душа! Таки настоящий батько і отець рідний.

Присинька, бросаясь на колени, с жаром целует руку отца.

Шпак. Именем отца твоего благословляю тебя, любезное дитя! Соединись с ним скорее и будь счастлива.

Присинька встает.

Шельменко. Що за премудрії словеса говорить пан Шпак!.. і під різками так не плакав, як мене оце сльози проняли. (В сторону.) От хіба у дурні пошили!

Шпак (все присматриваясь). Ба, да вы ее по-военному приодели? Славно, славно! Никто и не узнает.

Шельменко. Та хоч батько рідний побачить, так не пізна її.

Шпак. Чтобы еще более уверить вас в удовольствии от вашей женитьбы, так вот что: от венца прямо ко мне, сюда же в сад, и мы тут отпразднуем свадьбу. Смотрите же, сюда ко мне. Встречу вас с распростертыми объятиями и обниму как сына...

Скворцов (в восторге, обняв его). Любите меня как сына! Спешу к моему счастию... (Уводит Присиньку.)

Шельменко провожает их.

Шпак (один). Вот славная штука! Как мне удалось отомстить моим злодеям! Вот это тебе, г-н Тпрунькевич, те гуси, что ты у меня побил. Вот это тебе, г-н капитан, твои куры с моею дочерью! Поздравляю невесту с женихом-сорванцом, а жениха с невестою-фуриею. Тешься ими, Тпрунькевич!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Шпак и Шельменко.

Шельменко (вытянувшись). Лепортую вашому високоблагородію, у батька дочку вкрали справно. (Смеется.)

Шпак. То уж лихо смастерили; молодцы! А много-таки и я вам помог.

Шельменко. Аякже? Без вас би, будучи, и ладу б не було.

Шпак. Что ж отец? Скоро ли хватился дочери?

Шельменко. Та де вам схватився! Дочку вже, теє-то, і помчали, а батько розпустив уха та й слуха мої теревені, що я йому, будучи, розказую, от як і перед вашим здоров’ям.

Шпак. Экий фофан, не догадывается! (Смеется.)

Шельменко. Там такий хвохван, ваше високоблагородіє, що нічого і не заміча та туди ж сміється. (Смеется.) Аж мене сльози узяли від сміху!

Шпак. Ох вы, военные! Лихой народ! Признайся: не впервое тебе так проказить?

Шельменко. Та як упервоє!.. Раз украли дівку та і не знаємо, що з нею, стало бить, робити: а батько її пир нам у вічі і не пізнав дочки. Ми, будучи, і заходилися коло нього та так його одурили, що, сердешний, і поблагословив дочку, теє-то, утікати і сам випроводжав. (Хохочет.)

Шпак (также хохочет). Ох, полно, полно!.. Бока болят от смеху. Экий дуралей!

Шельменко (продолжая смеяться). Та такий, ваше високоблагородіє, дуралей... що я такого, будучи, зроду уперше бачу! (Смеется.) О, бодай вас!

Шпак. Пойдем же готовить, как встречать молодых; а потому сделаю сговор своей дочери. (Пошел было и воротился хохоча.) Не могу вспомнить про твои рассказы, так... и... и... хохочу. (Уходит.)

Шельменко. От хіба Шпак, так Шпак! Чи бачив хто такого дурня? (Смеется.)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Все тот же сад; под деревьями, в разных местах, поставлены треугольники, установленные плошками, а некоторые деревья увешаны цветными фонарями. Все без порядка и вкуса.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мужчины и женщины дворни Шпаковой, в разных одеяниях, расставляют и зажигают плошки и фонари. После приходит ключница.

Лакей. Нуте-бо, братцы, проворнее. Нам еще и в горницах много дела: стол готовить.

Кучер. Да и задает же наш пан пир, на весь мир! Рад, что дочку просватал.

Женщина. Сегодня паны гуляют, а завтра нам дадут погулять, чтоб знали сватанье панночки.

Кучер. О! да и напьюся же завтра здорово!

Ключница (пришла). Нуте ж, нуте, проворнее! Ног не видно, как паны придут.

Кучер. Уж и так довольно поработали. А что, тетушка Потаповна, как бы, бывает, на радости вынесла бы мам по чарке?

Ключница. Не здывуй: и без тебя расход не маленький. Господи! что понаезжало гостей-гостей, так хмара хмарою! Да когда б уже такие господа, чтоб гулять на сватанье, а то понавозили самых капелюшечных детей, что и толку не знают; а за ними мамок, нянек — видимо-невидимо!

Лакей. Это ж у господ всегда так ведется.

Ключница. А расходу-то, расходу! У нас бы и за месяц того бы не сошло. Уж достанется после от панеи: куда столько девалося? А теперь сама велит, чтоб ни в чем не было недостачи.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Мотря.

Мотря. Тетушка Потаповна, не видали вы моей барышни?

Ключница. А разве где она?

Мотря. Говорят, перед вечером пошла в сад, да и нет ее. Мне сказали, что она в горнице убирается, я хотела туда идти, заперто; стучала, никто не откликается; я заглянула в щелочку, только одна чужая барышня сидит да книжку читает, а нашей нет; так я и пришла сюда искать.

Ключница. Тут ее нигде нет; и как осветили весь сад, так и булавку можно бы увидеть, не только человека. Вот же хорошо, что управились, паны идут. Идите же все отсюда.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Шпак с женою, Опецковский с женою, Лопуцьковский, все гости с детьми, за ними няньки, грудные дети на руках кормилиц. Вся дворня один за другим уходит, после всех ключница.

Шпак. Милости просим, гости любезные, пожаловать сюда! Покорно прошу располагаться, где кому угодно: сад у нас велик, может и еще столько гостей поместить. Затем приедут наши молодые, а потом и сговор дочери.

Фенна Степановна. Помилуйте вы меня, Кирило Петрович! Я вам не наудивляюсь: как вы, человек с таким умом, а вечно делаете ни то ни се. (Удерживая за руку ключницу.) Иди же скорее в дом да потуши все свечи, чтобы напрасно не горели. (Продолжает мужу.) С чего вы это взяли, чтобы чужую радость предпочитать своей? Какая нам нужда до

капитана? Хотя бы он на Стехе, моей булочнице, женился, то для меня нужды мало.

Шпак. О, для меня в этой свадьбе многое заключается! Капитан нанес нам тьму смертельных обид; надобно было ему отомстить; вот я и навязал ему жену, злейшую во всем мире, а чрез это он, к нашему спокойствию, оставит Присю. Пан Тпрунькевич не только поругал мою честь, но и разоряет меня своими процессами. Так вот ему зять, от которого хоть на виселицу. Он молодых не пустит во весь век к себе и на полдвора. Я их встречу будто с радостью, потом осмею и выгоню с бесчестьем. Пусть несут мое мщение в потомстве до третьего рода. Мне тут много помог Шельменко.

Шельменко (на дереве, выглядывая). Агов! Я осьдечки. А чого там?

Шпак. Вон он где. Чего ты туда забрался?

Шельменко. Виглядаю молодих.

Шпак. Умно выдумал. Смотри же, чуть завидишь, так и кричи.

Аграфена Семеновна. Как иллюминация бедна в сравнении с теми, какие бывают у нас в Петергофе. Никакого сравнения нет!

Опецковский (выходя из задумчивости). Обращаясь к прерванной нами материи, я нахожу, что в рассуждении реставрации, дон Карлос сделал большую ошибку в прошлом месяце оттого...

Шпак. Сделайте милость, Осип Прокопович, не забегайте вперед! Я вам сказывал, что еще прошлогодних газет не читал, следовательно, не знаю, что в Европе делается. Дайте мне окончить семейные дела, и я займусь политикою и никак не допущу, чтоб христиносы потерпели; а против глупого закона о наследстве в Гишпании буду спорить до краю.

Фенна Степановна. Скажите мне на милость? что это Присинька не выходит? Целую дюжину платьев можно бы уже надеть, а она и с одним не управится. Это странно!

Аграфена Семеновна. Моя Эвжени ее убирает. Я дала совет, как у нас в Петербурге в подобном случае девица должна быть убрана. А вы, господин жених, наведывались ли, скоро ли придет нареченная невеста ваша?

Лопуцьковский! Я проходил мимо окон, подслушивал у дверей и засматривал в щелочку. Пелагея Осиповна изволят прелесть как играть и удивительно припевают: "Взвейся, выше понесися...",— а предмета моих желаний не видел и не слышал. Это пречудесно! Не понимаю, ей-богу, не понимаю, хотя сейчас убейте меня, не понимаю, зачем они к нам не выходят.

Шельменко (на дереве, кричит). Їдуть, молоді їдуть. Вже з гори з’їжджають.

Шпак (суетясь). Ну, извольте стать в сторону, а мы с тобою, маточка, встретим их сначала, а потом и захохочем, в чем (к гостям) и вас прошу нам подражать. Вот тебе, пан Тпрунькевич, и гуси! Ну, что, Шельменко?

Шельменко. Ось вже близько. Музика, грай!

Музыка играет марш. Шельменко слазит с дерева.

Тепер достануться мені весільні подарунки!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Скворцов и Присинька в военной шипели, войдя, бросаются к ногам отца и матери, стоящих отдельно от всех напереди.

Скворцов и Присинька. Батюшка! матушка! простите нас, благословите нас!..

С Присиньки спадает шинель и фуражка.

Шпак (приготовившийся принять их в свои объятия, остолбенел с распростертыми руками. Едва может говорить) Чт... чт... что... это такое?

Шельменко. Се ж наша молода. Хіба і тепер не пізнали?

Фенна Степановна. Ах, мати божия! Это ж моя Присинька! (Оцепенела с поднятыми руками.)

Лопуцьковский нюхал табак и, держа в руке открытую табакерку, так остается надолго.

Шельменко. Та вона ж, вона. От тільки від шлюбу.

Фенна Степановна (всплеснув руками). Что мне на свете делать?

Шельменко. Звісно, що роблять на весіллі.

Аграфена Семеновна. У нас в Петербурге в таком случае падают в обморок. Упадите скорее, это будет интересно.

Фенна Степановна. Да нуте к черту с вашими обмороками! Я совсем одурела, голова кружится, себя не помню, а они мне еще обмороки представляют.

Шпак (едва может говорить от досады). Как это сделалось? Г-н капитан, где вы взяли мою дочь?

Скворцов. От вас принял ее, вы нас благословили и не только позволили, но и приказали скорее обвенчаться и приехать сюда.

Фенна Степановна (мужу.) А что это, душечка?

Шпак. А что, маточка?

Фенна Степановна. Что вы это сделали с нашею общею дочерью?

Шельменко. Не що, як з дівки молодицю.

Шпак (все еще не может прийти в себя). Пом... помилуйте меня!.. Я, маточка, благословлял его на женитьбу с дочерью пана Тпрунькевича.

Скворцов. Если бы я решался жениться на ней, я бы не просил вашего благословения! Но вы точно нас благословили, назвали меня сыном, обещали любить меня... (Бросаясь на колени.) Умоляю вас, простите нас и не лишите меня вашей любви!

Присинька (все на коленях). Батенька!.. Я виновата... но я видела согласие ваше и потому только решилась... Маменька, не гневайтесь на меня, благословите нас!

Фенна Степановна (мужу). А что, душечка! Я вам не наудивляюсь, как вы, с вашим умом, а сделали такую глупость; я не сделала бы такого дурачества.

Шпак. Чего, маточка, это все подвел меня этот плут, мошенник, разбойник Шельменко.

Шельменко. Писаніє глаголеть: моя хата скраю, я нічого не знаю.

Шпак. Что же нам делать теперь?

Фенна Степановна. Сами вы, душечка, наварили дива, сами и хлебайте. Только вы с вашим умом можете придумать, что нам делать теперь.

Присинька. Простите, благословите нас!

Скворцов. Вспомните ваше обещание: что бы ни произошло, не гневаться на меня и не удалять от любви вашей.

Фенна Степановна. Так вы, душечка, им и это обещали? Прекрасно!

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и Эвжени.

Эвжени. Я услышала музыку и же девине,38 что вы исполнили свое желание и возвратилися с успехом. Поздравляю тебя, машер Присинька! Ты наконец замужем. (Обнимает ее.) И вас, мосье ле капитан, я нас же ву фелисит.39

Шпак. Разве вы знали о их намерении, что ли?

Эвжени. Знала, знала и им содействовала.

Фенна Степановна. Прекрасно ж вы поступали, будучи сами незамужняя девица.

Аграфена Семеновна. А как же б иначе? У нас в Петербурге в таком случае без посредника никогда не обходится.

Эвжени. Простите же вашу ма филь, же ву при.40 Она в другой раз этого не сделает. Не будьте неумолимы.

Некоторые из гостей подходят к Шпаку и просят его.

Опецковский. Впрочем, Кирило Петрович, обращая взор на ход европейской политики, я нахожу, что в рассуждении реставрации право моего любезнейшего племянника на вашу любезнейшую дочь есть равносильное с правом дон Карлоса на трон гиш...

IIIпак (рассердись). Так не бывать же ни дон Карлосу, ни вашему племяннику моим зятем!.. Уф!.. Ей-богу, вы меня так рассердили, что я чуть не простил капитана, и довели бы до того, что я, будучи Шпак, от деда и отца Шпак, а должен бы равнодушно смотреть, что моя дочь вышла за какого-нибудь Скворцова.

Шельменко. Осміліваємося, ваше високоблагородіє, нижайше доложить, що у того Шпака, що співав під вікнами у темниці гетьмана, та було два сини: один Шпак повів рід Шпаків, от як і ви є, а другий Шпак пішов у москалі і став зватися по-московському Шкварцов; адже усе рівно, що шпак, що шкварець.

Шпак. Поверь тебе только, так ты наговоришь. Я поклялся ни в чем тебе не верить.

Шельменко. Як хочете, а я списав об сім бамагу і завтра вам покажу та й заприсягну, що се іменно так.

Шпак. Впрочем, это правдоподобно. (Жене.) Как вы думаете, маточка: прощать или нет?

Фенна Степановна. Как же бы вы их, душечка, и не простили, когда уже ужин изготовлен для всех гостей! Не собакам же его выкидывать! А откажите теперь, так после, когда-нибудь, все-таки простите, тогда в другой раз придется опять такие же убытки нести. Ну их совсем! Только когда прощаете, то запретите ему, душечка, чтоб он вперед не говорил мне любовных речей,— я их отроду не слыхивала.

Шпак. Не бойся, маточка, не бойся; теперь ему есть кому говорить любовные речи. Ну, Присинька, так и быть, будь счастлива. (Обнимает ее и Скворцова.) Будь нам добрым сыном! Теперь идите к матери и приймите ее благословение. Я рад, что дочь моя не унизила фамилии Шпака и вышла за его же потомка.

Мать обнимает их, и гости поздравляют.

Шельменко. Поздравляю вас, пане Шпак, іще з шпаком, та вже з московським.

Шпак. Насолил ты мне крепко, а однако я прощаю тебя для радости.

Шельменко. Коли ласка ваша, то, будучи, настановіть мене управляющим над отчинами. Я й тим доволен буду.

Шпак. Непременно, непременно. Ты будешь славный управляющий. Ну, все ли перецеловались? Пора веселиться. Музыканты, польский! Зять, бери тещу, а я с дочерью. Покорно прошу всех!

Танцуют все польский, потом и другие танцы.

1 ...христиносы с карлистами...— Карлос Старший, дон Карлос (1788-1855) — син іспанського короля Карла IV, вів боротьбу за іспанський престол. У 1833 р., підтримуваний прибічниками абсолютистського режиму, представниками реакційного духовенства, великих землевласників — карлістами проти регентші Марії Крістіни, розв'язав першу карлістську війну в Іспанії.

2 Моя дорога мама (франц.).

3 Али-паша — албанський феодал Алі-паша Янінський (бл. 1744 — 1822) — правитель значної частини Балканського півострова.

4 "Московские ведомости" — газета офіційного напряму, заснована при Московському університеті (1756-1917). Після 1803 р., коли її редактором став Катков, набула реакційного спрямування.

5 Когда возвратились во Францию Бурбоны...— Йдеться про повернення на престол Людовіка XVIII (династія Бурбонів) після зречення від престолу Наполеона Бонапарта.

6 ...принялся сыскивать невесту герцогу Беррийскому...— Шарль Фердінанд, герцог де Беррі (1778 — 1820) — син графа д'Артуа, згодом французького короля Карла X, у 1816 р. одружився з дочкою короля обох Сіцілій Франца I Кароліною Фердінандою Луїзою.

7 Гражданская палата — цивільний суд у царській Росії.

8 ...в выборы идет — тобто має намір балотуватися на дворянських виборах.

9 ...налицо никогда не служил — тобто був тільки записаний на службу. Йдеться про привілегію дворянства XVIII — початку XIX ст., яка давала можливість фактично не служити, а бути приписаним до якогось відомства чи полку і навіть діставати підвищення по службі.

10 До речі (франц.).

11 Дуже гарне, чудове! (франц.).

12 Чому (франц.).

13 Ви кохаєтесь у квітах (франц.).

14 Побудьте трохи тут (франц.).

15 Навмисне (франц.).

16 Трохи закохана? Чи не так? (франц.).

17 Суперниця (франц.).

18 Як це гарно (франц.).

19 Моє слово (франц.).

20 Уявіть, моя дорога мамо (франц.).

21 Мої дорогі батьки (франц.).

22 ...английский министр Питт...— Пітт Уїльям Молодший (1759-1806) — державний діяч Великобританії, у 1783-1801 та 1804-1805 рр.— прем'єр-міністр. Один з головних організаторів коаліції проти революційної, а згодом наполеонівської Франції.

23 Запевняю вас (франц.).

24 Ви знаете (франц.).

25 Ну і що (франц.).

26 Байдуже, однаково (франц.).

27 Я вас прошу (франц.).

28 Зрештою (франц.).

29 Ви побачите (франц.).

30 Він дуже приємний, він гарний! (франц.).

31 Сьогодні ще ні, а завтра (франц.).

32 Мила, люба (франц.).

33 Багато (франц.).

34 Моя прекрасна (франц.).

35 Гарним офіцером (франц.).

36 Я скажу (франц.).

37 До побачення! (франц.).

38 Я догадалася (франц.).

39 Вітаю вас (франц.).

40 Дочку, я вас прошу (франц.).